

Искорка

1973

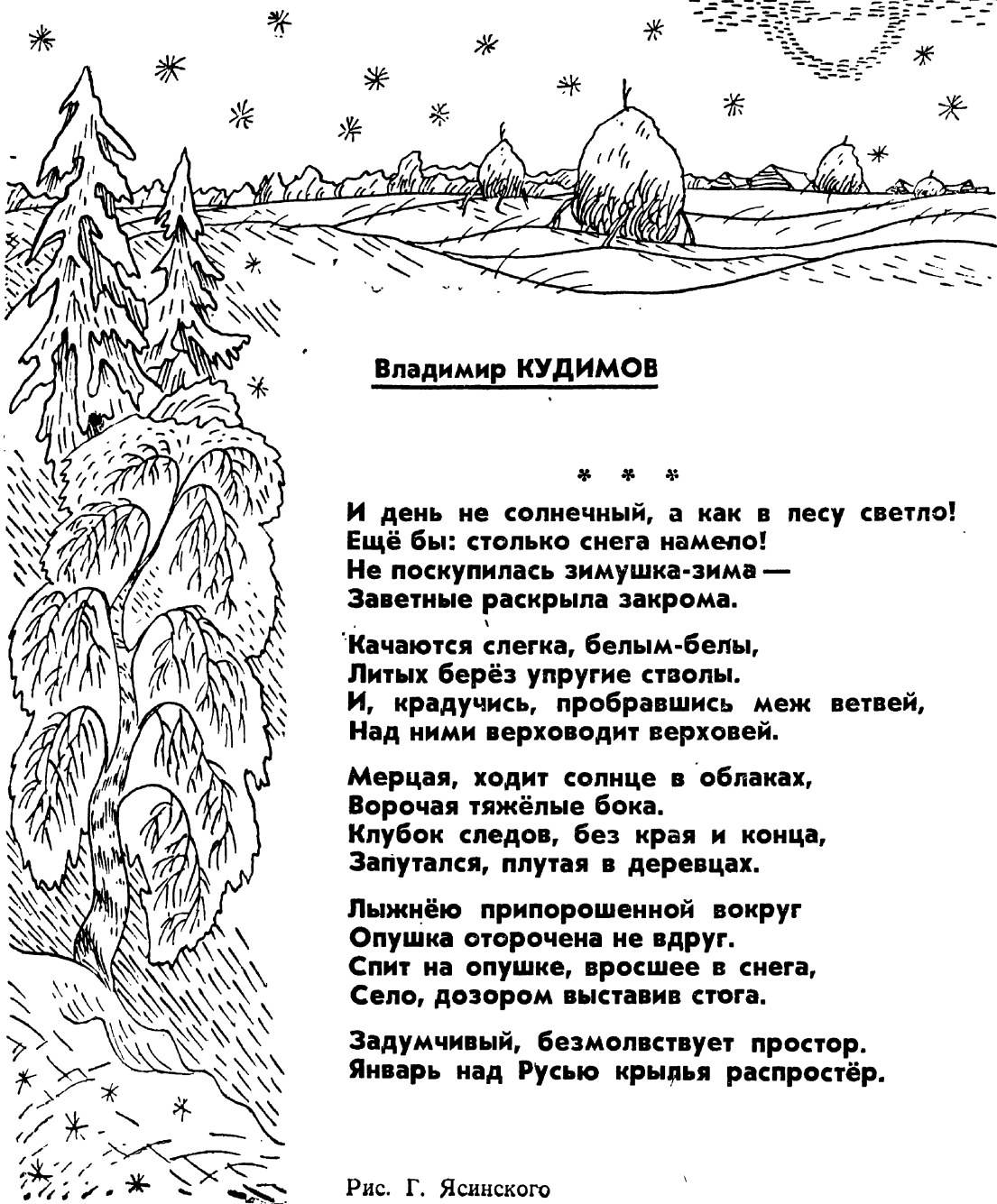

ЯНВАРЬ ● 1973
год издания XVII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искры» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

Владимир КУДИМОВ

* * *

И день не солнечный, а как в песу светло!
Ещё бы: столько снега намело!
Не поскупилась зимушка-зима —
Заветные раскрыла закрома.

Качаются слегка, белым-белы,
Литых берёз упругие стволы.
И, крадучись, пробравшись меж ветвей,
Над ними верховодит верховей.

Мерцая, ходит солнце в облаках,
Ворочая тяжёлые бока.
Клубок следов, без края и конца,
Запутался, плутая в деревьях.

Лыжнёю припорошенной вокруг
Опушка оторочена не вдруг.
Спит на опушке, вросшее в снега,
Село, дозором выставив стога.

Задумчивый, безмолвствует простор.
Январь над Русью крылья распростёр.

Рис. Г. Ясинского

Ф р о н т о в и к и

ЛЕТОМ на Московском проспекте остановил меня паренёк лет двенадцати, по всей вероятности приехавший в Ленинград изда-лека.

— А где же тут у вас проходила линия фронта? — спрашивает.

Я было приготовился рассказать ему о Пулковских высотах, о Колпине, но тут какой-то прохожий, седой, как лунь, старик, опередил меня:

— Как это — где? Везде!

Я задумался — всего на каких-то полминуты — и не стал спорить. Прохожий был прав.

Мне сразу вспомнился грузовик на Большом проспекте. Он тарахтел куда-то к Гавани, доверху нагруженный плотными серыми мешками. На одном из мешков четко было написано: «Город-фронт, мы с тобою!»

Здóрово тогда мне это понравилась — «город-фронт»! Значит, и все жители — тоже фронтовики. И я фронтовик. И мама. И дядя Никифор, давно освобождённый от военной службы. И Вовка, и Алла...

Да ведь так оно и было. Наш Васильевский остров находился от передовой всего километрах в пятнадцати. Вроде как во втором эшелоне. И всё, что положено для фронта, у него было: у Дворцового моста — дот, у зданий Академии наук, университета, у моста Лейтенанта Шмидта — ещё доты; во дворах, на газонах — окопы-щели; у гранитных стенков набережных — боевые корабли; там и тут — зе-

нитные батареи; в школах — военные госпитали. Фронт! И снаряды рвутся, и тревоги по радио...

И вовсе не обязательно всем носить шинели. Ананьев вон, дядя Юра, зимой и летом в своём чёрном пальто, а разве он не фронтовик? Ещё какой фронтовик!

Ближе к весне он снова появился в нашем доме, к нам заглянул. Мама поила его чаем, а дядя Юра рассказывал.

В ополчение его не взяли: нужен был на заводе. «Разряд подвёл», — шутил он. Такой у него был высокий рабочий разряд, что заводу он нужен был просто до зарезу. Всё дядя Юра умел: любой станок наладить, любой механизм починить. С завода он и не уходил никуда. Отстоит двенадцать часов у станка, а потом ляжет где-нибудь в уголке, поспит, позавтракает в столовой — и снова вытаскивает стволы для пушек.

За то, что он был одним из лучших, и послали его делегатом на фронт для встречи с солдатами-защитниками Ленинграда. Поехали они четвером. Да не куда-нибудь, а на Невский «пятачок»!

Был тогда такой участок фронта. Весь город о нём знал. Находился Невский «пятачок» на левом берегу Невы. Сначала фашисты этот берег захватили — до самого Шлиссельбурга. Но потом наши войска высадили десант и отвоевали на левом берегу малюсенький участок — «пятачок». Малюсенький, но очень важный: с него можно было развить

В БЛОКАДУ!

наступление и прорвать блокаду города.

Как гитлеровцы ни старались скинуть наших обратно в Неву — ничего у них не получалось. Крепко зацепились защитники Ленинграда за левый берег: вырыли окопы, перевозили через Неву пулемёты, пушки. И даже танки.

Правда танкам пришлось там туго: «пятак» весь насквозь фашистами простреливался, и танки подбили. Один из них стоял у всех на виду, чернея среди белого снега, холодный, притихший...

Туда-то, на Невский «пятак», и приехал дядя Юра Ананьев со своими товарищами-рабочими. Встре-

тили их хорошо: немцы — артиллерийским «салютом» из всех орудий, наши — супом из американской тушёнки. Солдаты обещали рабочим не отступать с «пяточка» ни на шаг, рабочие дали слово делать снарядов всё больше с каждым днём. Всю ночь проговорили: про победу под Москвой, про город, про всякие фронтовые дела. А утром вышел дядя Юра из землянки, выглянул из окопа и увидел танк.

Стоит танк возле воронки. Одинокий, всеми покинутый. Одна гусеница по земле раскатилась, чёрными плашечками из-под снега выглядывает. Башня — чуть на бок, стволом в землю. Отслужил, видать, всё рядовой бронетанковых войск.

Командир дядин Юрин взгляд перехватил.

— Н-да, — говорит, — утащить бы его отсюда за Неву. И ремонт-то не такой уж сложный. Мог бы ещё с немцами подраться. Только как утащишь!

Не пулемёт ведь — танк! Махина!

— А если на месте? — спрашивает дядя Юра.

— Исключено. Простреливается всё. Да и не обойдёшься, поди, одними плоскогубцами.

— Но посмотреть-то можно? — спрашивает опять дядя Юра.

Командир задумался: и гостями рисковать он не имеет права, и подбитый танк жалко прямо до слёз.

— Ладно, — говорит, — идите в землянку, я свяжусь кое с кем.

Сидит дядя Юра с товарищами, ждёт. Тут ведь мало разрешение получить, тут ещё придумать что-то надо, какую-нибудь военную хитрость.

Осмотреть танк командование разрешило. С первыми вечерними сумерками поползли: дядя Юра и товарищ его — Панкратьев.

Не так уж далеко до танка, а больше часа борозду свою прокладывали: старались, чтобы немцы не заметили. По всем правилам военного искусства ползли, по-пластунски. Хотя и не были военными, вроде получилось. Немцы, конечно, стреляли. Но не в них, а так — для порядка.

Через нижний люк забрались в машину. Фонариком бы посветить — да нельзя: засекут сразу. Пришлось всё руками прощупывать. Промёрз танк. Пальцы к металлу так и прикипают. Да и не очень-то доберёшься куда хочется: в танке всё так подогнано, что пустого пространства нет.

Всю ночь копались. Утром назад приползли.

Доложили: ремонт средней сложности. Гусеницу поставить просто. Наладить заклиненную башню тоже можно. А вот мотор... Повреждён коллектор, и, чтобы до него добраться, необходима частичная разборка.

— Сварка требуется? — спросил командир.

— Хорошо бы, да сами понимаем... Клепать придётся.

— Что сварка, что клёпка! — махнул рукой Панкратьев. — От одной — свет, от другой — грохот! Всё равно учуют.

— Ну, с грохотом — это проще, — улыбнулся командир. — Сам-то как считаете: возможное это дело?

— Возможное, — говорит дядя Юра. — Что от нас зависит — сделаем.

— Что от нас — тоже не подкачаем, — говорит командир.

ВСКОРЕ начались для гитлеровских офицеров загадки: более или менее тихий участок фронта вдруг загрохотал так, что соседу хоть в ухо кричи — не услышит. И «пяточок» бьёт, и с правого берега снаряды им на головы сыплются. Немецкие батареи, конечно, в ответ стреляют. Грохот — ещё сильнее!

Погрохотали часа три — и тишина. И никаких контратак со стороны русских. Странно. Непонятно. Одни только тёмные блины воронок в лунном свете чернеют да танк этот мёртвый торчит на своём месте по-прежнему.

Через день снова грохот. Хотя в землю головой зарывайся!..

На следующий день — снова. Да ещё дымовая завеса — ничего не

видно. Поди угадай, что эти русские затевают!.. По всей вероятности, всё-таки атаку готовят. Выскочат из-за дыма — и прямо в их немецкие траншеи. Правда, атака без поддержки танков — не атака. Танков у русских нет. Но всё-таки... Надо что-то срочно придумывать.

Придумали. Решили, говоря военным языком, «упредить»: самим

— Гав-гав-гав! — из-за дымовой завесы бегом вперёд.

Из автоматов строчат. Орут чего-то.

Половину поля пробежали уже. Танк миновали, за своей спиной оставили.

Да только догавкались. Осечка у них получилась. Русские окопы таким их шквальным огнём встретили, что наступающие — в землю носом. Залечь пришлось.

Лежат. Пули свищут — головы не поднять!

Слышат вдруг: моторы урчат. «Ага, — решают, — авиация летит нас поддерживать».

подобраться к дымовой завесе и — как снег на голову! — прямо на русских! Вышибить их с занимаемых позиций! А может быть, и со всего «пятачка».

— Гав-гав-гав! — по телефонам. Выползайте, мол, из окопов.

— Гав-гав-гав! — вперёд побежали. Не стреляют пока. Скрытно подкрадываются.

А моторы всё ближе, ближе.

Выглянул один гитлеровский офицер из воронки, да так в неё и скатился от неожиданности: тот русский мёртвый танк по полю идёт! Да по лежащим-то доблестным войскам фюрера — утюгом, утюгом!

Очухался офицер на дне воронки, гранату от ремня отцепил, выполз снова наверх, глянул...

Разбегается его воинство кто куда. От батальона едва взвод остался. А от русских окопов «ура» нарастает. Прямо на немецкие окопы идёт, на его землянку с патефоном!..

И впереди всех — танк!

Знал гитлеровский офицер: всего можно было ожидать от этих русских, но чтобы такое!..

— А кто же в танке-то был? — спросила мама.

— Танкист, конечно, — ответил дядя Юра. — Ремонт-то мы ещё накануне закончили, а он туда горючее доставлял, немецкая атака его там и захватила. Вот только снарядов у танкиста не было. Не успели доставить. А то бы он им ещё и не так дал!

— А сейчас он где, танк этот? — не утерпел я, из-под одеяла высунулся.

— Где ему быть... Там, на «пятачке» же. Как немецкую траншею взяли — его в укрытие поставили, в воронку. Теперь он живой! При нас ещё бензина ему через Неву подкинули.

— Вам за такую работу орден следует дать, — сказала мама.

— Так уж и орден! — смутился дядя Юра. — Солдаты вон патефон подарили. «Бери, — говорят, — Ананьев, как боевой трофеей. А в Ленинграде скажи, что скоро тут всем гитлеровцам будет полнейший гроб с музыкой».

— Верите? — спросила мама.

— Конечно, верю, — ответил дядя Юра. — Я ведь своими глазами видел: солдаты у нас что надо! Фронтовики, одним словом.

Я промолчал, но подумал: а дядя Юра не фронтовик, что ли? Настоящий фронтовик! Хотя и рабочий Н-ского завода.

Омск — Томск — Чита — Челябинск!

ЗНАЕТЕ, что такое работа? Нет, не знаете. Я тоже думал, что знаю, а на самом деле не представлял даже. В первый раз я понял это во дворе сгоревшей больницы.

Раньше всё как-то не так было. Также ведь что-то делали: щель во дворе, копали, окна полосками заклеивали, песок на чердак таскали — а вроде и не работали. Вроде играли. То ли в сапёров, то ли в пожарников. Интересно было. И взрослые будто с нами в ту же игру играют. Все вместе. Даже не замечали, где игра, а где не игра уже.

Конечно, работа тоже может быть интересной. Должна быть интересной. А если нет?..

От игры работа тем и отличается, что её не бросишь, не скажешь: «Давайте мой мячик, я домой пошёл».

В работе есть слово «надо». Нравится, не нравится, а раз надо — значит надо.

Больница эта стояла на Большом проспекте, недалеко от нас, сразу за булочной. Старый такой деревянный дом.

Если бы в него попала фугаска — весь бы он разлетелся по брёвнышкам. Но старый дом атаковали зажигалки, и он сразу вспыхнул, как огромный костёр. Тушить его было некогда: еле-еле успели вытаскать больных.

Когда больница почти уже догорела, хлынул дождь, потушил пламя. Только что от дома осталось!.. Одни лишь брёвна первого этажа. Чёрные, обугленные.

Никто тогда на них не обратил внимания.

А в январе вспомнили: лежат под снегом чёрные балки бывшей больницы. Прямо под ногами дрова лежат!

Откопали их старшие девчонки из бытового отряда. Как-то умудрились выковырять из-под снега. А пилить некому. Девчонок в отряде не так-то уж много. У каждой других ещё дел хватает: искать по квартирам ослабевших, носить им воду, выкупать продукты по карточкам, топить печки...

А брёвна хоть и обгоревшие сверху, но всё равно крепкие, огромные.

Помощники девчонкам требовались.

Вовку они нашли в очереди за хлебом. Тот уже и меня притащил. Ох, и не хотелось же мне идти!.. За водой мы ходили через день. Этот был у меня выходным. Я лежал в кровати под ватным одеялом и читал какую-то книжку. И вдруг надо было вылезать, кутаться во всё шерстяное и ватное, тащиться на мороз... Но Вовка сидел и ждал. И когда я начинал скулить, он говорил одно и то же:

— Надо.

— Люся, гляди-ка, и вправду пришли, — увидела нас какая-то длинная нескладная тётка в телогрейке и солдатских ватных штанах.

Их было трое. Двое пилили, а длинная ковырялась возле другого бревна, от боковой стенки. Такого же обгорелого и огромного.

— Я же говорила, — бросила пилу та, которую называли Люсей.

Все трое подошли к нам и стали разглядывать, вздыхать...

— Пилить-то вы хоть умеете? — спросила Люсина напарница.

— Чего тут уметь? — буркнул Вовка. — Таскай её туда-сюда и всего дела.

Таскать оказалось не просто. Бревно было здоровенное, насквозь промёрзшее. Всё время оно старалось зажать нашу пилу, и тогда приходилось упираться в него ногой и тянуть что есть силы.

— Слушай, ты! — кричал Вовка. — Сам тяни! Что я, тебя ещё вместе с пилой таскать должен?

Мне же казалось, что это я его таскаю, что это Вовка только за ручку держится.

Сначала было трудно. Потом стало жарко. Потом захотелось бросить всё и уйти. Нанялся я, что ли, пилить эту дудоргу?!

Я сел. Вовка тоже сел.

Посидели.

Я встал и снова взялся за ручку. Вовка встал тоже.

Дальше потянули.

— Это для госпиталя? — спросил я.

— Теперь в каждой квартире

госпиталь, — выдохнул Вовка. — Тяни давай.

Значит, для населения? Для госпиталя было бы как-то приятнее. Всё-таки для наших солдат, помощь фронту...

Пила не звенела, не пела, как в стихах пишут, — шипела она, пила эта. Скрипела зубами и изредка отплёвывала в сторону опилки. Конечно, какие из нас пильщики? Вот пила и злилась на наши неумелые руки. И казалось, что надрез в этом чёртовом бревне не продвигается ни на миллиметр.

— Домой сбежать хочешь? — ехидно спрашивал Вовка.

— Хочу, — огрызнулся я. — Сам пили. Сам обещал — сам и пили.

— Я и за тебя обещал, — пыхтел Вовка. — Думал, ты и вправду работать умеешь.

Я злился, хотел доказать, что и вправду умею, но пила была против и доказывать быстро надоедало.

Но ручки я всё-таки не бросал, и в следующий раз отдыхать первым сел Вовка.

— Что, работнички, притомились? — подошла к нам Люся. — Она взяла Вовкину ручку и крикнула мне: — Ну-ка, давай паровозиком!

— Как? — не понял я.

— По шпалам. Омск — Томск — Чита — Челябинск.

Я всё равно не понял.

— Ты пилу слушай, — объяснила Люся. — Она же поёт! Вжик-вжик-вжик-вжик! Омск — Томск — Чита — Челябинск.

Я прислушался. Верно! Туда-сюда, туда-сюда. Омск — Томск — Чита — Челябинск. Получалось, что когда пила шла к Люсе, были Омск и Чита, а когда ко мне — Томск и Челябинск.

Паровозик наш пыхтел не очень-то быстро. От Омска до Томска были длиннущие километры тайги, заснеженной мягким сибирским снежком.

— А ну-ка, давай на бревно верхом! — приказала Люся Вовке. Он сел и отжал конец бревна книзу. Паровозик сразу пошёл быстрее:

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

Быстрее замелькали могучие кедры, лиственницы, загромыхали железом мосты, зазвенели промёрзшие шпалы:

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

И доехали.

Грохнулся чурбак вместе с Вовкой.

— Ну, а дальше сами! — сказала Люся, разгибаясь. — Мы с того конца, а вы с этого.

С Вовкой у нас получалось хуже. Паровозик буксовал, застревал в снежных заносах, еле пыхтел на подъёмах.

Омск... Остановка.

Томск... Остановка.

Чита... Длительная стоянка.

Но ещё три чурбака мы отпилили честно.

— Стоп! — скомандовала Люся. — Катите один чурбак домой. Отдохните и завтра сюда обратно. Надо, мальчики. Сколько людей тепла ждёт!..

Мы катили домой чурбак, а сзади слышалось упрямое:

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

Омск—Томск—Чита—Челябинск!

Люся с подругами не хотела сдаваться, и паровозик пыхтел сквозь тайгу. Валились столетние кедры. Рассыпались на пахучие, смолистые полешки.

И спешили, спешили по ленинградским квартирам, в железные, чугунные, ненасытные буржуйки.

— Завтра пойдёшь? — спросил Вовка.

— Надо.

Он хлопнул меня по спине:

— Запомни: пароль — «Омск — Томск», отзыв — «Чита — Челябинск».

П у г о в и ц а

ПУШКИ мы различали по голосам: когда наши стреляют, когда немцы. У наших голоса были побасистее, особенно, если корабли били. Самый большой бас был у «Марата». В линкор «Марат» фашисты попали бомбой. Он стоял в Кронштадте, наполовину затопленный, но всё равно стрелял. Словно раненый солдат: бежать ему в атаку уже трудно, опустил он на одно колено и бьёт по врагу, своих поддерживает.

Ещё различали по свисту снарядов. Если били наши — свист был коротенький, сразу затихал. А если фашисты обстреливали город, то сначала слышалось «ух!», а потом «зззссс» — свист всё громче, к нам ведь летит.

Определяли почти безошибочно.

Но в ту же первую весну, после блокадной зимы, мы с Вовкой запутались. Стоим на улице, слышим: «Уух!» — и тихо.

Потом минуты через три опять: «У-уух!» — как-то по-другому.

А свиста совсем не слышно. Странно как-то ухаёт.

— Наши, — говорю я.

— Не, — мотает головой Вовка, — не похоже.

В это время опять далеко где-то: «У-ух!» — снова без свиста.

Дядя Никифор вышел. Посмотрел на нас и тоже стал прислушиваться: голову левым ухом вверх нацелил, — оно у него слышит лучше.

«У-гуу-гу-гух!»

— Верно немцы, дядя Никифор? — спрашивает Вовка.

— Наши, — твержу я.

— Гроза, — говорит дядя Никифор, — гром это.

Как гроза? Откуда? Та самая, что «люблю грозу в начале мая»? «Когда весенний первый гром»? Вовка, наверное, тоже это стихотворение вспомнил.

— Значит, и вправду наши, — говорит. — Наша гроза идёт. — И тут же выдумал: — Шарах молниями по фашистским пушкам!

И словно поддерживая Вовкино «шарах», где-то вдалеке опять прогудело: «Уух!»

Гроза — это здорово! Совсем как до войны. Мирный грохот. Мама почему-то всегда боялась грозы, меня домой скорее загоняла. А что в ней страшного? Она хорошая — гроза. Вымоет всё вокруг, трава после неё чистенькая, сосны пахнут, словно весной. И ещё радуга бывает...

— А я ведь вас, огольцы, ищу, — сказал вдруг дядя Никифор. — Пошли-ка к участковому.

— Куда? — удивился я.

— В контору. — Дядя Никифор повернулся и зашагал.

Участкового мы немножко знали. Он был ещё довоенным. Нас он тоже, наверное, знал. Потому что только посмотрел на нас, когда мы вошли, и снова в бумагу уткнулся, что-то писать. Потом закончил, спрятал листок в полевую сумку, снова посмотрел на нас, и сразу:

— Дело есть, — говорит. — Получите ключи от пустующих квартир. Пломбы сам сниму. В каждой квартире проведёте полную инвентаризацию, составите опись имущества. Понятно?

Я пожал плечами. Вовка тоже промолчал.

— Надо, ребята, — как-то по-другому сказал участковый. — Зима

была — не до того было. А теперь надо. Жильцы разъехались, кто в тыл, кто на фронт. Вернутся — с кого спросят? С нас. С тех, кто тут оставался. Они с врагом бьются, на Урале танки строят, пушки льют, и надо, чтобы ни одна ложка из их квартир не пропала. Так что — пошли.

Вовке достался дом 5, мне — дом 7.

Участковый снял пломбы с шести квартир. Вручил мне ключи. Одни — большие, дверные, другие — маленькие, от французских замков, от шкафов даже некоторые, уезжая, оставили. На каждой связке картонная бирочка привязана — с номером.

— Бумага, карандаш есть? — спросил участковый. — Тогда беги домой, забирай и действуй. Уходить будешь — квартиру запирай. Как следует запирай, подёргай. Я потом их снова опломбирую. Действуй! — И затопал вниз по лестнице.

У первой квартиры я долго ковырялся в замке. Никак он не хотел открываться, заржавел за зиму, что ли? Потом дверь поддалась. Скрипнула и открылась.

Квартира была в порядке. Стёкла, правда, все вылетели, но кроме их осколков на полу больше ничего не валялось. Всё было прибрано, шкафы закрыты. Стулья аккуратно окружали стол. Только зеркало у стены было почему-то разбито. Вдребезги! Осколок в окно влетел, что ли?

Отгрёб я на столе пыль в сторонку, разложил свои тетрадки.

Непривычно как-то в чужой квартире сидеть. Хотя и по делу пришёл, а как-то неловко... Может, у хозяев какие-то свои секреты тут, а я без спросу прямо по шкафам, по ящикам! Да и попробуй-ка тут всё переписать!

Начал я с самого крупного. Поставил цифру 1 и рядом написал: «шкаф». А дальше уж пошло, поехало...

«147. Платье. Простое, без рукавов.

148. Платье. Чёрное с кружевами.

149. Платье. Зелёное с карманом.

...191. Книжка. Пушкин, том II.

...192. Книжка. Пушкин, том III.

...321. Ложки для супа — 6 шт.

...384. Игрушка кукла.

...425. Какой-то прибор, вроде часов, с одной стрелкой».

Работёнка — сами понимаете. Не из приятных. Скучная работёнка.

Но скучно мне было только пока я не добрался до пятой квартиры. Там меня такое подстерегало!..

Сначала я испугался этой квартиры. Представляете: в одной большой комнате три стены — сплошные книжные шкафы! И в прихожей ещё книжные полки! В спальне шкаф с книгами! Библиотека!!! Сколько же мне все эти книжки переписывать тут?!

И на столе ещё какая-то странная записка:

«Алексей! Перед самым отъездом пропала Пуговица. Если вернёшься раньше нас — поищи. Так не хочется уезжать!

Надеюсь — до скорого возвращения! До радостной встречи! Целую. Вера».

Вот тебе — здравствуйте! Кто о чём, а эти о пуговице страдают! Да ещё и пишут про эту пуговицу неправильно — с большой буквы.

Мне бы их пуговичные заботы! А то тут с этой библиотекой не меньше, чем дня на три возни хватит. Каждую сними, каждую запиши, каждую на место поставь...

С книг я и начал. Всегда лучше всего начинать с самого трудного.

Писать список книг тоже не просто: всё время отвлекаешься — то картинки разглядываешь, то читать вдруг начнёшь. Интересные книжки попались! Всё больше про путешествия, про таинственные пещеры, сталактиты, сталагмиты! И не фантазия, научно всё: с чертежами, планами, цифрами.

И в квартире тишина, словно в тех пещерах. Немцы в это время не стреляют. Расписание у них железное: от и до. Трамваи под окнами тоже не звенят.

Света маловато — это хуже. Окна фанерой заделаны.

Притащил я на стол целую грудку книг, чтобы не бегать за каждой, и читаю, записываю потихонечку. Вдруг слышу:

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук...»

Словно сзади крадётся кто-то. Оглянулся — никого нет. Подождал немного — не слышно. Дальше стал писать.

И снова:

«Тук-тук-тук...»

Что за ерунда! Даже страшно-вато как-то. Привидения тут живут, что ли? Квартира-то пустая! Видел ведь. Сам все комнаты обошёл. Да и заперто было. Висячий замок снаружи. И, главное, как начну прислушиваться — сразу затихает. Словно кто-то следит за мной и подкрадывается потихоньку.

Отнёс я переписанные книжки, другие с полок снял, сел...

«Тук-тук-тук...»

Ну, знаете ли!

Чертовщина какая-то: в пустой полутёмной квартире кто-то ходит. На каблучках. Сам себя успокаиваю, что всё это ерунда. Фанера, наверное, на окнах от ветра постукивает. Успокаиваю — и не получается. Начитался про пещеры-то! А тут снова:

«Тук-тук-тук!» — На каблучках.

Не выдержал я. Вылез из-за стола. Может быть, дверь не запер? Сходил посмотрел — всё в порядке, закрыта. Вернулся, в комнате тихо. «Тогда буду петь», — подумал. Записываю книжки, а сам громко так:

— Чайка смело пролетела

Над седой волной.

Окунулась и вернулась...

Стучит!

Сквозь песню слышу:

«Тук-тук-тук!»

Каблучками.

За спиной.

Сделал я вид, что пишу, а сам как повернусь сразу!

Никого...

И опять тихо.

Нет уж, теперь меня на тишине не обманишь! Встал я, взял швабру, что в углу стояла, и давай проверять всё: за шкафами, за кроватями, за буфетом, за каждой дверью... Никого!

Ладно. Снова сел писать! Ну, думаю, если ещё застучит — уйду. Пусть тут участковый сам пишет. У него пистолет есть.

Пишу. Почти всю стопку переписал. Успокаиваться начал. Да рано обрадовался — стучит!

«Тук-тук-тук!»

Вроде ближе теперь. Совсем за спиной.

Кинулся я к окошку, выдрал фанерину, обернулся, гляжу — по полу черепаха ползёт!

«Тук-тук-тук!» — Прямо ко мне.

Не помню: то ли я тогда обрадовался, то ли рассердился. Скорее всего — удивился очень. Вот Тортилла ещё! Напугала! Про привидения думать начал!

Пощёлкал я её пальцем — не бежит. Головы не прячет. Наоборот: глаза выпучила и смотрит. Ручная совсем.

Отошёл я немножко — за мной ползёт. Тук-тук-тук. Ясно: есть, пить, хочет.

Взял я её на руки, запер двери — и на улицу. В траву посадил. Покрутила она головой, сориентировалась, выбрала какую-то травинку и медленно так жевать принялась.

Назад я её, конечно, не понёс, домой взял. Вообще-то из квартир никаких вещей выносить нельзя, но это же не вещи! Это же черепаха! Живая!

— Как же это она всю зиму-то? — удивился Вовка.

— Зимой черепахи впадают в спячку, — объяснила мама. — Пищи им не требуется. Я читала где-то, что они до двухсот дней могут не есть.

— А я читал, — говорит Вовка, —

что суп из черепах — самый вкусный деликатес!

— Ну ты, — насторожился я. — Полегче на поворотах.

— Чего полегче-то? — удивился Вовка. — Теперь её уж никто не съест. В январе съели бы за милую душу, а теперь — пусть живёт.

В опись я её всё-таки записал. Самой последней:

«3769. Черепаха. Живая».

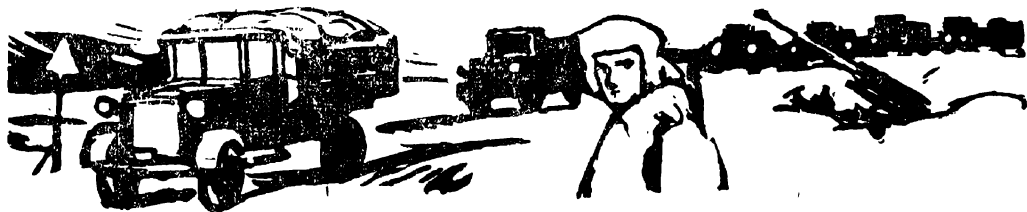
Но оставлять её снова одну было нельзя. Сначала она у нас жила. Потом Лика её себе выпросила. А потом уже, когда я служил в армии, мне на полевую почту письмо пришло:

«Спасибо тебе, браток, за Пуговицу! Выписался я из госпиталя, прихожу домой — пусто, хоть беги! А куда без ноги побежишь? На другой день добрёл до дворника. Стал соседней разыскивать, с кем бы хоть слово сказать. А тут пришла какая-то девушка и принесла мне черепаху, всю её историю рассказала и твой адрес дала. Вот спасибо тебе! Веселее как-то стало! Не один я теперь. А там, глядишь, и мои вернутся. Будешь на побывке — заглядывай. Ко мне и к Пуговице».

До побывки мне было ещё далеко...

А насчёт Пуговицы, то вроде бы она и сейчас жива-здоровая. Я-то в другой район переселился, а она там, на Васильевском острове. Черепахи, они ведь такие — по триста лет живут!

НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

ЦЕНА
ХЛЕБА

ОПАСЕН путь по Ладоге. Гудят и гудят в небе фашистские самолёты. День и ночь охотятся они за нашими кораблями и баржами.

Ходили тогда по Ладоге небольшие металлические суда — тендеры. Шёл однажды за мукой к восточному берегу маленький тендер. Весь его экипаж — три матроса и старшина Владимир Малафеевский. Тендер прошёл уже половину пути, когда повстречал самоходную баржу. Баржа везла в Ленинград продовольствие.

В это время и появились фашистские самолёты. Они увидели баржу и атаковали её: стали бить по палубе из пушек и пулемётов. Малафеевский понял: ещё немного, и баржу потопят. Тысячи голодных ленинградцев останутся без хлеба. Надо что-то делать! Как-то помочь!

И тогда старшина-комсомолец принял дерзкое решение: вступить в бой с самолётами, отвлечь их внимание от баржи, принять удар на себя. На тендере не было ни пушек, ни пулемётов. На всю команду — три винтовки и один карабин.

— Огонь! — крикнул старшина, и навстречу самолётам полетели пули.

Теперь враги заметили маленький тендер, развернулись и пошли на него. Малафеевский быстро отвернул тендер, и первые снаряды врагов разорвались за кормой. Самолёты пошли на второй заход. Теперь они били точнее. И вот уже ранены два матроса, лежат, истекая кровью. По самолётам бьёт из винтовки только один матрос Веселов. Малафеевский стоит за рулём.

А фашисты не унимаются, поливают палубу пулемётным огнём. Три пули впились в грудь Малафеевского. Он покачнулся, но не упал. Одна мысль владела им в эту страшную минуту: спасти баржу, спасти продовольствие! Увёртываясь от огня самолётов, тендер всё дальше и дальше уходил к восточному берегу.

Вдруг атака прекратилась. Самолёты набрали высоту и скры-

О том, как герои — моряки и бесстрашные водители машин Дороги жизни спасли Ленинград от голодной смерти, рассказывают короткие истории, взятые нами из будущей книги ленинградского писателя Н. А. Ходзы.

лись за облаками. Малафеевский догадался: фашисты расстреляли по тендеру весь свой боевой запас.

Баржа была спасена, но тендер получил две большие пробоины, его трюм заливало водой. Собрав последние силы, Малафеевский вместе с Веселовым стали забивать пробоины. Кружилась голова, ослабевшие руки не могли удержать инструмента, но старшина продолжал работать.

— Всё! — сказал Веселов, забив вторую пробоину.

— Не всё... — едва слышно проговорил старшина. — Надо перевязать раненых.

Шатаясь, он выбрался из трюма и пополз к раненым. Веселов стал за руль. Малафеевский наложил повязки на раны матросов и тут же потерял сознание.

Тендер к берегу привёл Веселов. Героя-старшину доставили в госпиталь. Но как ни старались врачи, спасти его не удалось. Малафеевский умер...

Вот какой ценой доставался хлеб защитникам Ленинграда.

ПОДВИГ АНТОШИХИНА

КАТЕР тянул на буксире баржу. В трюме лежал бесценный груз — мука. А на палубе высился штабель коротких досок для стройки на барже домика — греться матросам в стужу.

Капитан катера был доволен: небо заволокли тучи, моросил осенний дождь. В такую погоду немцы не летают.

«К утру будем на месте», — думал капитан. Но в полночь поднялся ветер, налетел шторм. Огромные волны обрушились на катер. Случилось самое страшное: лопнул буксирный трос, баржу оторвало от катера и понесло в сторону. Через минуту она скрылась из виду.

На барже остался шкипер Антошихин. Волны швыряли баржу с борта на борт, перекатывались через палубы, грозя смыть шкипера в бушующее озеро. Антошихин привязал себя к палубной надстройке и стал ждать, когда утихнет шторм.

Но Ладога не унималась. Грохотал гром, сверкали молнии, лил непрерывный холодный дождь...

Два дня и две ночи мотало баржу по озеру. На третьи сутки волны утихли, небо прояснилось. Но появилась новая опасность: теперь могли нагрянуть фашистские самолёты.

И верно. Едва занялся рассвет, как послышался гул фашистского самолёта. Завизжала бомба, взметнулся высокий столб воды и захлестнул палубу. И сразу же позади кормы взорвалась вторая бомба. Шкипер не сомневался: третья бомба пройдёт баржу насквозь и тогда — конец! Но лётчик неожиданно отвернул в сторону и улетел: у него кончился запас бомб. Значит, он вернётся с полным комплектом бомб и потопит баржу.

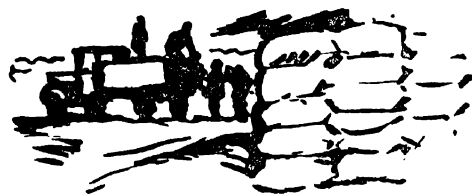
Антошихин мог легко спастись. На барже имелась шлюпка, окрашенная под цвет воды. Такую шлюпку лётчик с высоты не заметит, и к вечеру шкипер доберётся до своего берега. Но моряк думал сейчас не о себе. Надо спасти муку! Медлить нельзя! На счету каждая секунда. Сейчас появится бомбардировщик.

И шкипер придумал. Скорее! Скорее! Антошихин расшвырял по палубе доски, поленья, пустые ящики. Всё это залил водой.

И сразу же появился самолёт с чёрными крестами на крыльях. Глянул лётчик вниз, обрадовался: баржа-то под водой. Затонула по самую палубу!

Доволен лётчик. Сделал круг над баржей и полетел докладывать командованию: «Баржа с грузом потоплена!»

А вечером баржу прибило к нашему берегу. Наутро вся мука была уже в Ленинграде, и защитники города получили свой хлебный паёк.

КОМУ СКАЗАТЬ СПАСИБО?

УТРОМ к Осиновцу подошли две баржи. Их трюмы были засыпаны пшеницей. Не успели начать разгрузку, как налетели немецкие самолёты, стали бомбить и потопили баржи у самого берега.

Пшеницу везли в Ленинград для тяжелораненых. Для тех, кому чёрный хлеб есть было нельзя, нужен только белый.

Что делать? Как спасти пшеницу? Была бы она в мешках — другое дело: мешки водолазам поднять нетрудно. А зерно, как его из воды поднять?

Стали водолазы вычерпывать зерно вёдрами — ничего не получается. Месяц времени надо, чтобы всё вычерпать. А пшеница нужна скорее, как можно скорее!

Тогда моряки поставили на берегу большой деревянный ящик, прорезали в нём узенькие щели. Механик Мазнин установил сильный насос и стал откачивать из трюма воду. Льётся вода из трюма в ящик и зерно за собой тянет. Вода, конечно, из щелей вытекает, а зерно остаётся в ящике.

Хорошо работает насос. Ещё два-три часа — и всё зерно будет спасено.

Но опять налетели самолёты, опять бомбят Осиновец.

Мазнин мог укрыться в землянке, но остался на берегу следить, чтобы насос работал исправно. Вдруг одна бомба разорвалась так близко, что воздушная волна сбросила Мазнина в воду. Механик больно ударился грудью о бревно и потерял сознание. Ещё немного, и он утонул бы. Но моряки, под бомбами, бросились на помощь и спасли своего товарища.

Доктор приказал немедленно отправить храброго механика в ленинградский госпиталь. В госпитале Мазнин пришёл в себя.

А через день в этом госпитале тяжелораненые получили по большому куску белого хлеба. И никто не знал, кому сказать спасибо за этот хлеб.

МНОГО ЧЕГО БЫЛО ЗА ДЛИННУЮ ЗИМУ

НА ЛЬДУ Ладожского озера стояли большие палатки. В палатках оказывалась первая помощь раненым и обмороженным водителям.

В одной такой палатке всю зиму проработала военный фельдшер Ольга Писаренко. Только весной, когда лёд на озере стал таять и перестали ходить машины, отважная женщина вернулась на берег. К её гимнастерке был прикреплён орден боевого Красного Знамени. Конечно, все стали спрашивать, за что она получила такую награду, а Писаренко сказала:

— Много чего было за длинную зиму. Только запомнился мне больше всего один случай.

И она рассказала:

«Ехали по трассе наши машины — муку везли в Ленинград. Вдруг налетели фашисты. Я, конечно, выбежала из палатки, на случай, если нужна кому медицинская помощь. Машины сразу рассыпались, кто вправо, кто влево. Ловко уворачиваются от фашистских стервятников. Только вижу — вдали одна машина остановилась. Ясное дело — ранили шофёра. Может, даже убили.

Бросилась я к той машине. Бежать не близко, больше километра. Тут ещё — новая беда. Одни стервятники улетели, другие прилетели. Те обстреливали из пушек и пулемётов, а эти бомбят! Насквозь пробивают лёд. Бегу к той машине и только одного боюсь — пробоины. Попадёшь в пробоину — всё! В секунду на дне окажешься!

Не добежала я до машины. Рванулась поблизости бомба, отбросило меня воздушной волной, я и сознание потеряла. Сколько так лежала — не знаю. Когда пришла в себя, не сразу даже поняла, где я. Лежу на льдине, а кругом вода. Выходит, я на ледяном острове оказалась. Вскоре поняла, в чём дело: бомбы кругом лёд пробили, вот я и оказалась на острове. И никуда с этого острова мне не деться. Сделаешь три-четыре шага — и сразу вода.

Вспомнила о той машине, оглянулась — стоит на старом месте. Зло меня взяло, на себя злюсь: там же раненый моей помощи ждёт!

Вдруг вижу, грузовик идёт на полной скорости. Прямо на мой островок мчится. Сорвала я ушанку, размахиваю, кричу во весь голос:

— Пробоина! Утонешь!

Заскрипели тормоза, выскочил водитель из кабины. Передние колёса уже у самой воды. Ещё миг — ушёл бы под воду!

Я ему говорю:

— Выручай, браток!

Он сразу всё понял. Снял с трёхтонки высотный борт, перебросил через пробоину, я и перебралась. А водитель говорит:

— Спасла ты меня, сестрёнка. Спасибо!

Дал задний ход, выехал на трассу и помчался дальше.

А я, конечно, бросилась бежать к той машине. Добежала, — так

и есть! У машины мотор разворочен. В кабине — раненый водитель. С перебитой ногой.

Вытащила беднягу на лёд. Он и шагу ступить не может. Крови много потерял. Я говорю:

— Ложись ко мне на спину, поползём к палатке.

А он спорит:

— Что ты! Во мне с одеждой восемьдесят килограммов, а в тебе чуть душа держится! Не дотащишь...

Я на него голос повысила:

— Ложись! Приказываю!

Как мы спорили, рассказывать не буду, а только моя взяла.

Вот ползу я с ним. Он за мои плечи уцепился, а ноги по земле волочатся. Непокойно мне: неужели, думаю, не доползу?! Тут ещё такой мороз ударил — дышать невозможно, дух захватывает.

Не знаю, много ли проползла, а уже обессилела, остановилась передохнуть.

Раненый опять за свое:

— Брось меня! Не бросишь, сама погибнешь и меня не спасёшь...

А я смотрю, по снегу след тянется: кровь уже сквозь валенок сочится.

— Не рассуждать! — кричу. — Выполняй мой приказ — держись за плечи!

Поползла дальше. Шагов пятнадцать — двадцать проползу — остановка. Передохну, отдышусь и — дальше.

Так и ползли невесть сколько времени. Только к вечеру дотянула его до палатки.

Доктор осмотрел раненого, говорит:

— Благодарю военфельдшера. Ещё немного — быть бы тебе без ноги.

Только сама я тех слов не слышала. Это мне уж потом рассказали. Я, как вошла в палатку, повалилась на хвойный пол. Почти двадцать часов спала без просыпу. Когда проснулась — водителя уже не было. Его рано утром в Ленинград отправили. В госпиталь.

После этого прошёл месяц, является мой начальник майор Мажаев, поздравляет меня:

— Наградили тебя, Писаренко, орденом Красного Знамени.

А водителя того я больше не видела, не пришлось встретиться».

ОЛЬГА Николаевна Писаренко живёт теперь в Ленинграде. У неё есть внук Саша. Он октябрёнок. Больше всего Саша любит слушать рассказы бабушки о том, как она воевала на Ладогѐ.

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛОК

ШОФЕР МАКОВ не спал уже сорок часов. И сейчас его сильные руки сжимали баранку, но глаза поминутно слипались. Не было сил бороться со сном. Поблизости рвались снаряды, грохотали зенитки, гудели в небе бомбардировщики. Маков ничего не слышал, одно лишь твердил себе:

— Не спать! Не спать!
Но глаза всё слипались.

— Растяпа! — ругал себя Маков. — Забыл котелок! Надо же!
Вскоре его трёхтонка остановилась на западном берегу. Подбежали солдаты, стали разгружать машину. Маков вылез из кабины, облокотился на радиатор да тут же заснул стоя.

Кругом шум, говор, машины тарахтят, а Маков не слышит, спит богатырским сном.

— Иди, друг, в землянку. Поешь малость и ложись, поспи.

В это время подходит командир батальона. С командиром — полковник незнакомый. Командир говорит Макову:

— Срочно доставьте товарища полковника на тот берег.

Маков — руку к ушанке, отвечает по-флотски:

— Есть доставить товарища полковника на тот берег. Сейчас поедем, только за котелком сбегаю.

Полковник, как сел в кабину Макова, так и захрапел. Даже не слышал, как машина тронулась.

Сколько-то километров проехали — поблизости снаряд разорвался. Полковник сразу проснулся от взрыва. Посмотрел на Макова, объясняет:

— Больше суток не спал.

— Спите, спите, — говорит Маков. — Нам ещё вон сколько ехать.

— Выспался, — отвечает полковник. И видит — над головой водителя котелок болтается, а в котелке что-то звякает.

Удивляется полковник: зачем водителю такая музыка?

Маков докладывает:

— Это я, чтобы не уснуть, чтобы шум над ухом был.

Ещё больше удивляется полковник:

— Тебе что, мало шума от бомб, снарядов, зениток? Куда уж больше!

А Маков говорит:

— Нам такой шум нипочём. Привыкли к нему. Под бомбёжку, под обстрелы шофёр может спать и сны видеть. А в пути спать нельзя. Вот водители и придумали: бросят в котелок гайки, подвесят в кабине и — порядок! Звякают гайки над ухом, всю дорогу бренчат. Очень противный звук, совсем непривычный. Начисто сон отгоняет!

ЛЕЧИТЬСЯ БУДЕМ ПОТОМ...

ВОДИТЕЛЬ ПЕТУХОВ вёз через Ладогу ящики с боевыми припасами. Вёз — торопился. Но не повезло старшине Петухову: попала машина в ледовую трещину.

Выпрыгнул старшина из машины да и сам угодил в воду. Изловчился, ухватился за край льдины, выбрался кое-как из воды и давай скорее ящики из машины на лёд перетаскивать. Мороз — двадцать пять градусов! С ветром! Одежда на водителе вмиг заледенела,

но у Петухова только одна мысль: скорее ящики разгрузить. Станет трещина шире — все боеприпасы на дно уйдут.

Нельзя, нельзя, чтобы такое случилось!

Руки на морозе прямо одеревенели и ноги еле двигаются, — валенки насквозь промокли, каждый пуд весит! Но не сдаётся старшина, из последних сил перетаскивает на лёд ящики.

Тут, на счастье, машины показались. Водители заметили беду Петухова, бросились помогать. Вовремя! Только перетаскивали последний ящик, раздалась трещина, ушла машина под воду.

Доставили Петухова в санитарную палатку, думали, что он обязательно заболеет. А старшина обсушил у печки одежду, поспал пару часиков, съел чашку каши и пошёл к выходу.

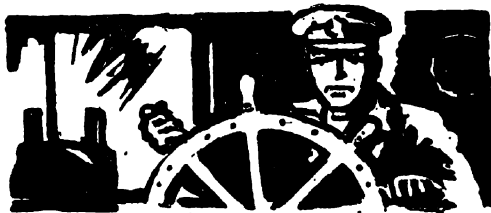
Доктор кричит:

— Стойте, товарищ старшина! Должен вас осмотреть! Вдруг у вас воспаление лёгких?

Старшина отвечает:

— Лечиться будем после войны. Сейчас некогда, воевать надо.

Сказал так и пошёл ловить попутную машину. Чтобы успеть к ночи в новый рейс отправиться.

Николай АЛТУХОВ

О р к е с т р

*Сначала засвистели
Метели-дудари,
Потом виолончели
Басили до зари.
На соснах, как на струнах,
Без всякого смычка
Играла ночью лунной
Кудесница-пурга.
Мотив неровный, зыбкий
Стал ярче и светлей,
Когда вступили скрипки
Всей группой своей.*

*А там — гусларным звоном
Обрушится апрель,
Ударит в ксилофоны
Прозрачная капель.
Ручьи-флейтисты встретят
Оранжевый закат
И словно в кастаньеты
Дожди затарахтят.
И скоро утром рано
Огромным кулаком
Ударит в барабаны
Весенний первый гром.*

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА

СВИДЕТЕЛИ

Просёлком шёл грузовик. За ним поднималась пыль и медленно оседала на неоглядное поле овса, жёлто-серое возле колеи и дымчато-зелёное в отдалении. Жаворонки, как маленькие вертолёты, висели в раскалённом воздухе, трепеща крылышками и роняя на дорогу паутинки тонкого звона. Сквозь синее небо низвергалось на землю солнце.

Когда кончилось овсяное поле и справа зачернело ровное, словно выбритое, клеверище, Васька приказал отцу:

— Стой!

Кузьма Савельевич слегка притормозил, выбирая подходящее место, потом съехал с дороги и покатил напрямик по клеверищу. Остановил машину в тени стога, распахнул дверцу и с наслаждением сдёрнул с головы запylённую кепку.

— Вылезай! — скомандовал Васька.

Но отец не послушался. Глянул на Ваську с усмешкой и полез в карман за кисетом.

— Па-ап!—заныл Васька.— Ты ведь обещал.

Кузьма Савельевич молча свернул самокрутку, раскурил, потом ответил:

— Так ты ж экзамен не сдал...

Васька поёрзал на сиденье, поболтал в сердцах ногами и коршуном к отцу:

— Подумаешь, не сдал! Скажешь, не знаю, как тронуть, как остановить?

— Это самое простое...

— Простое! — Взвился Васька, смахнув рукавом пот с обгорелого носа. — Тогда спрашивай... Давай новый экзамен!

— Давай!—согласился отец и подал Ваське ключ от замка зажигания. — Вот ты, к примеру, шофёр. Получил задание на рейс, подошёл к машине — поезжай!

— Так вылезай, куда ж я сяду?

— А ты сразу за руль?

— Зачем сразу? — спохватился Васька. — Перво-наперво надо осмотреть скаты, ресурсы... проверить, надёжно ли закреплены борта...

— Проверяй! — приказал отец и шагнул из кабины на подножку.

Васька выкатился в правую дверцу и व्यюном пошёл вокруг машины. То присядет, то пристанет на цыпочки, то ударит в гулкий и пыльный скат каблуком. А на лице — выражение сосредоточенности и заботы — ведь экзамен же!

Подойдя к передку, он взобрался на буфер и деловито поднял капот. Отвернул пробку радиатора, заглянул в горловину. Потом достал масляный шуп, вытер его концами, проверил уровень масла.

— Теперь опробовать сигнализацию, — тихонько пробормотал Васька, соскочил на землю и громко скомандовал отцу:

— Глянь, папка, как там стоп-сигнал!

Отец послушно обошёл машину, встал сзади. А Васька уже в кабине. Высоковато ему сиденье, но правая нога дотянулась до тормозной педали.

— Есть стоп! — крикнул отец.

— Чего кричишь, я не глухой, — солидно произнёс Васька, радуясь, что «должность» позволяет ему сделать внушение отцу. — Глухих в шофёры не берут...

Проверили освещение номерного знака, ближний и дальний свет фар, указатели поворотов. Всё оказалось в исправности.

— А теперь садись в кабину, поедem, — сгорая от нетерпения, позвал Васька и, качнувшись вправо, толкнул дверцу.

Сказать по правде, Кузьме Савельевичу нравилась эта игра. Он даже слегка позавидовал сыну: самому-то в Васькины годы не доводилось забавляться такими интересными играми.

Васька тем временем надул щёки, деловито потрогал рычаг переключения передач:

— Нейтраль?

— Нейтраль, — кивнул отец. Левая Васькина нога отжала к полу педаль сцепления, а правая рука повернула в замке ключ зажигания. Послушно затарахтел мотор, мелкой дрожью задрожала кабина.

— Поехали? — резко повернулся Васька к отцу и включил первую передачу.

— Поехали!

Новоиспечённый водитель решил уж было тронуть машину, да усомнился: «Зачем на лице отца эта ехиднёвская, хоть почти и неприметная усмешка?»

Обшарив глазами кабину, он всё-таки нашёл подвох.

— А ты хитрый, папка! Не терпится двойку вклеить, да?

С этими словами Васька отпустил затянутый рычаг ручного тормоза и, стиснув зубы, стал потихоньку отпускать педаль сцепления, слегка надавливая правой ногой на педаль газа.

И свершилось чудо: грузовик тронулся с места, пошёл. Пусть порожний, без груза, но пошёл! Медленно, словно ошупью, зато вперёд и вперёд.

Взмокшая Васькина рубаш-

ка прилипла к спине, но ему не до рубашки. Впился, как клещ, в баранку, насторожил глаза, потому что огромное клевериче с редкими стогами выдилось ему словно в тумане и медленно двигалось навстречу, молчаливое, какое-то грозное.

Прибавив газку, Васька ухватился за рукоятку переключения, чтобы перейти на вторую передачу, но тут его осенило: «Тормоза! Проверка тормозов на ходу!» Он чуточку разогнал машину, потом выжал сцепление и правой ногой навалился на тормозную педаль. Машина крикнула и как бы присела на месте. Отец качнулся вперёд, достав лбом ветровое стекло.

— Работают? — ехидно спросил Васька, сообразив, что за такое торможение отец запросто может вкатить двойку. — Подходящие тормозёнки...

— Ещё как работают! — загадочно подтвердил отец, потирая ушибленный лоб.

— Зато не забыл! — подхватил Васька. — Ты ж только того и ждал, что позабуду, правда? Не на таковского напал.

Кузьма Савельевич не спешил с ответом. Глядя на сына, он просто недоумевал, когда это Васька успел нахвататься шофёрской премудрости. Если по-честному, так не всякий новичок на курсах так успешно проводит первое своё вождение. Но из родительских сообщений он ничего этого не сказал Ваське, а лишь заметил коротко:

— Чего ждал, того, брат, и дождался. — И подмигнул в придачу.

Васька так и взвился:

— Что! Скажешь, не сдал? Забыл чего? У кого хошь спроси, и каждый скажет: действовал железно!

— Не тарахти, — перебил отец. — Не очень-то «железно». Если хочешь знать, ты не имел права даже сесть за руль...

Васька вспомнил! Но он совсем не собирался получать двойку и отважился на хитрость.

— На права намекаешь, да?

— Да.

— Ну, что ты за человек, папка? Распоследнему первокласснику и тому известно, что перво-наперво шофёр проверяет собственные права, не забыл ли. Это ж таблица умножения, это ж... ну, проще азбуки...

— Выходит, тебе зубрить таблицу умножения вместе с азбукой, — упрямо наклонил голову отец.

— Хо! Опять за своё! — сощурился Васька. — А где у меня водительские права? Ну где, скажи! Было б что показать, так я бы... А раз нет, то и суда нет, верно?

Кузьма Савельевич положил свою тёмную ладонь на жёсткую Васькину макушку, молча поерошил волосы, усмехаясь.

— Скажи ты мне, Васька, в кого это ты такой уродился хитрющий? Мать вроде не из таких, да и я не такой...

— Такой, такой! — пойманным воробьём забился под отцовской ладонью Васька. — Это ты забыл. Спроси у нашей учительницы Валентины Николаевны, и она скажет: два сапога пара...

Отец снял руку с головы сына и сразу подобрел. Видно, вспомнил, как и сам учился когда-то у Валентины Николаевны, когда был ростом с Ваську.

— Уговорил! — сдался он. — Выставляю тройку по вождению.

— Ур-ра! — подпрыгнул Васька на пружинном сиденье и завопил, как дикарь, на всю окрестность. Даже жаворонки примолкли и на всякий случай поднялись чуть выше в небо.

Лучшего места для обучения вождению, чем скошенное клеверное поле, и не придумаешь. Не скользит, не пылит, не бросает на ухабах. А главное — ширь: куда ни повернёшь, везде тебе дорога.

Пятитонный самосвал под управлением Васьки битый час петлял по клеверищу. Огибал стога и справа, и слева, пятился задним ходом, останавливался и снова шёл вперёд. Отец уж сколько раз молча показывал на часы, но Васька только упрямо крутил головой.

Кузьма Савельевич нахмурился, что-то обдумывая, потом сказал:

— Раз уж тебе так хочется — айда к дому! У мостка перед скотным двором помеемся.

На этот раз Васька согласился. Во-первых, до деревни ещё добрых семь километров. Может, отец и раздумает брать у Васьки руль перед мостком, когда увидит, что он водит машину, как заправский шофёр. А не раздумает — не велика беда: семь километров до деревни, а главное — по самой деревне! Надо только не оплошать, а то отец и раньше отберёт. С него взятки гладки.

Машина осторожно выехала на дорогу и пошла не быстро и не медленно, поднимая пыль, кое-где притормаживая перед ухабами. Васька ликовал. Он не замечал ни пыли, сеявшейся на его вспотевшую спину через открытое окно кабины, ни духоты, не видел даже сидящего рядом отца. Правда, всё время чувствовал, что отец здесь, и это придавало ему не только уверенности, но и лихости, которую приходилось всё время сдерживать, глушить в себе.

Одного только не хватало Ваське в эти минуты редкого счастья — свидетелей. Ведь не видят его сейчас Гришка Князев и Колька Карасёв, не видит Сашка Зимин, которого Ваське ни в чём ещё не удалось превзойти: ни в плавании, ни в нырках, ни на велосипеде. А главное — не видит Катя Перепелицына.

На въезде в деревню Васька, оглянувшись на экзаменатора, дал длинный гудок и повёл машину тише, чтоб не снести случайно чей-нибудь палисадник, не наехать на подвер-

нувшегося пса или на кур, которые в жару любят купаться в дорожной пыли. Имел он и особую причину тихо ехать и громко гудеть: пусть поглядят, кто за рулём! Ему и невдомёк, что экзаменатору тоже приятно, если люди увидят, как Васька ведёт машину, а он посиживает себе пассажиром и пускает дымок в открытое окошко кабины.

Васькин гудок возымел действие: там окошко распахнулось, там отодвинулась занавеска, а там, глядишь, и повыскакивали из сеней опалённые солнцем с макушки до пят мальчишки, целясь прокатиться с дядей Кузьмой в кабине.

Колька Карасёв успел уже пробежать несколько шагов мимо палисадника, но неожиданно остолбенел: дядя Кузьма покуривает, привалясь к правой дверце, а машина сама катится!

— Васька правит! — заорал с другой стороны улицы Гришка Князев и тоже стал столбом, разинув рот и выкатив глаза.

— Ур-ра! — прыгнул на подножку Егор Костылёв, с ходу вонзившись в окошко кабины: зад на улице, а голова и плечи в машине.

Невдалеке поднимался в горку навстречу грузовику Сашка Зимин с велосипедом в руках, вёз с речки воду: большой бидон привязан сзади на багажнике, а два поменьше перекинута через раму на верёвке.

Тут уж Васька не вытерпел.

Поравнявшись с Сашкой, остановил самосвал, и, отпихнув прилипшего Егора, высунул голову на улицу.

— Упарился? — спросил. —
Который раз везёшь?

Сашка хоть и удивился не меньше других, но виду не подал. Опёрся о велосипед, поче-

сал чёрной босой пяткой другую такую же, над которой была закатана штанина, устало прищурился и в тон Ваське ответил:

— Восьмой. Не огород — сущий пьяница: никак не напьётся!

Они бы, может, и ещё о чём

поговорили, но с противоположной стороны машины подбежала Васькина мать и, рывком распахнув дверцу, закричала на всю деревню:

— Люди! Видели вы такого отца? Прохлаждается, шельмец! А малое дитё везёт эту орясину... Ты соображаешь, Кузьма? А если б перевернулись?

— Ну, мать, ну, не шуми, — смутился Кузьма Савельевич. — Не перевернулись же. Ты бы хоть людей постеснялась...

— Я?! Чего же мне стесняться, если ты родного сына чуть до гибели не довёл? — затряслась от негодования мать. — Сам бы постыдился. Это ж срам...

— Ну, мама!.. — высунулся Васька из-за отцовского плеча, да так и не успел ничего сказать.

— Марш домой! — последовал приказ. — Если отца позновато драть, то тебя в самый раз. Вылезай, а то я не посмотрю и на людей.

Кузьма Савельевич повернулся к Ваське, смущённо развёл руками:

— Вылезай, сынок. Мать, она женщина серьёзная. Как бы нам обоим не влетело.

Так и сошло на нет это редкостное событие, этот немислимый Васькин взлёт над Гришкой и Колькой, над самим Сашкой Зиминым. На глазах у всей деревни погнала его мать домой, как нашкодившего гусака. Спасибо, хоть без хворостины.

КЛЮЧ ОТ САМОСВАЛА

Впрочем, взлёт не совсем сошёл на нет. Славу не удержишь. Она покатила от человека к человеку, от избы к избе. Ведь не зря же весь следующий день Сашка Зимин держал Ваську под прицелом. Сперва прибежал похвастаться раздобытой где-то японской капроновой жилкой для удочки. Потом, на зависть всей деревне, забрался на высоченную, усыпанную душистым цветом, звенящую от прилетевших за мёдом пчёл старую липу. Усевшись в тени ветвей, неожиданно достал из-за пазухи какую-то книжку.

— Зима-а! — кричали снизу многочисленные завистники. — Что ты там читаешь? Интересно, да?

Сашка — ноль внимания. Равнодушно глянул вниз и снова уткнулся глазами в страницу.

— Про что книжка-то? — не утерпел Васька.

Сашка только этого и ждал. Он зевнул для виду, показывая высшую степень равнодушия к стоящим внизу, потом ответил:

— Интересная, братцы, аж я чуть с дерева не свалился! Забыл, где сижу. Про Шерлока Холмса. Ну, это который знаменитый сыщик...

— Дашь почитать? — загорелся Васька.

Сашка снисходительно глянул вниз, помолчал и хотел уж было отвернуться, чтобы читать дальше, да раздумал.

— Поглядим, — прижмурил

он свои нагловатые серые глаза. — Отчего ж не дать, если сговоримся.

Васька почувствовал в этих словах намёк на какую-то секретную сделку. Ему и впросак попасть боязно, и любопытство разбирает. Оглянувшись на ребят, как бы ища совета, и снова задрал голову:

— А про что сговоримся?

— Мало ли про что, — загадочно обронил Сашка сверху. В замешательстве Васька сорвался с места, пробежался вокруг липы, потрамбовал пятой траву и опять к Сашке:

— Сговоримся. Слезай...

Тот не заставил себя упрашивать. Гибкий, как ящерица, цепкий, как кошка, он мигом спустился, хватаясь за бугристую, трещиноватую кору. И сразу Ваську за рукав.

Оттащил в сторонку, повёл быстрыми глазами, опасаясь свидетелей, и зашептал, как заговорщик, дыша в ухо:

— Я тебе книжку — ты мне баранку. Замётано?

— Так батька ж не даст...

— При чём тут батька? Или мы не знаем, куда он машину ставит на ночь?

— А ключ? — спохватился Васька. — Без ключа, брат, не завести, даже в кабину не влезть...

— Вот балбес! — присвистнул от возмущения Сашка. — Ты что, не знаешь, куда батька ключ кладёт? Или не доверишь? Если хочешь знать, я похлеще тебя вожу. Не веришь? Тогда скажи, может или не может мотор работать, ког-

да зажигание выключено? Скажи, раз ты такой профессор.

Васька понимал, что Зима зря не спросит. Кажется, ясно: не может мотор работать. А зачем же тогда вопрос? Наверняка подвох! И чтоб не впасть в конфуз, он решил ответить про ключи:

— Батька их сроду не кладёт, а вешает на гвоздик, чтоб всегда под руками. Понял? И чтоб не потерять...

— О-о! — одобрительно растянул Сашка. И после паузы веско прибавил:

— Это уже серьёзный разговор. Значит, так: вечером берёшь ключ и несёшь его, миленького, к ферме, на стоянку самосвала и цистерны. Я тем временем уже произвёл разведку и жду, — загнул Сашка средний палец на левой руке. — Дальше берём самосвал, выезжаем на Голынский луг. — Снова загнул он палец, на этот раз почему-то указательный. — Часок поездим — и на место. Сперва машину, потом ключ на гвоздик. Чистенько? И никто не подкопается! — Правой рукой Сашка взял большой палец и просунул его между загнутыми указательным и средним. Полученный кукиш он дерзко выставил кому-то невидимому.

— Целый час? — всполошился Васька. — А если заметят?

— Полчаса! — сбавил Сашка, мгновенно оценив выражение Васькиного лица. И с разгона: — А кому замечать-то? Ведь все ж на огородах.

— Ну, если полчасика... — с сомнением начал Васька, но Сашка тут же его перебил:

— До вечера ещё вон сколько. За это время надо разыграть роль. Ясно? Беги, таскай воду на огород, лей в бочку. Пока согрется, как раз будет пора поливать. А начнёт смеркаться, тут уж не зевай: изоб-

Уловить-то он уловил. А только так получилось, что этот хитрый Зима окрутил его, оплёл и запеленал. Ваське теперь, хочешь не хочешь, а надо нести ключ к назначенному сроку. Глянув на высокое ещё солнце, он вздохнул и уныло побрёл готовить свой инвентарь для возки воды.

Вода эта стала сущим наказанием не для одного Васьки. Сушь стояла, как в пустыне. За месяц не упало ни капли дождя. Хозяйки давно повычерпывали, какие были, ямки на огородах, потом — колодцы. А земля требовала одного — пить. Проклённые солнцем, пыльные и скучные стояли деревенские сады. Сливы начали без времени краснеть и сыпаться на иссушённую землю. На картофельной ботве кое-где замелькали было белые и голубые чахлые цветочки, но быстро свернулись и осыпались. На капусту, на брюкву, на свёклу навалился прожорливый зелёный червяк, изрешетил подчистую. Хозяйки пробовали травить его дымом, дымом, табаком — не помогало.

ражай самого что ни на есть несчастного человека, делай вид, будто у тебя от работы руки-ноги отвалились. Мамка и скажет: «Сыночек, отдохнул бы...» А ты ещё поломайся, пока не выгонит. Уловил?

С болью, со страхом взирали женщины на раскалённое солнце, которое день ото дня нещадно пекло. Глаза искали на ослепительно-синем небе хоть облачко, хоть соринку, но не находили.

И чтоб как-то спасти то, что ещё не погибло, матери налегали на мальчишек, на девчонок: «Носите воду хоть из речки, доставайте хоть из-под земли!»

Вот тогда Сашка Зимин и снарядил свой велосипед под водовозку. А вслед за ним и остальные ребята. С гиканьем, с шуточками проносились они деревенской улицей к речке, гремя бидонами и норовя обогнать друг дружку. А обратно тащили нагруженные велосипеды, налегая на рули, тужась и пыхтя, в забрызганных штанах, в прилипающих потных рубашках.

Сашка Зимин, поразмыслив, решил обложить ребят контрибуцией. Однажды он возьми да и скажи:

— Ну как, хлопцы, на велосипедах-то полегче, чем на комыслах?

— Ясно, полегче...

— Какой может быть разговор!..

— А раз так, то с вас причитается по рейсу в мою пользу.

— Это ещё за что? — возмутился Васька. — Что мы тебе, ишаки?

— За идею! — не дрогнув, провозгласил Сашка. — Слышали небось: есть такое авторское право. Так вот по этому праву я и требую. Понятно?

Озадаченные мальчишки не слышали про авторское право, но спорить не стали. Свезли, опорожнили свои бидоны в Сашкину бочку и дело с концом.

После этого Сашка стал ещё хитрее: с кем бы ни заспорил — обязательно на рейс. И спорщики, понятно, находились. Зато все и сидели у него в долгу. Кто рейс должен, кто два, а Егор Костылёв умудрился проспорить все четыре.

Числился рейс и за Васькой. Однажды после купанья, когда всё пеклось на солнце, Сашка достал из бездонного кармана своих штанов новенький, даже ещё не очиненный карандаш и взял его двумя руками за концы.

— Кто перешибёт одним пальцем, тому с меня рейс, — объявил он, играя своими насмешливыми глазами.

— Ха-ха! Дурачок ищешь? — клюнул на приманку Васька. — Сам перешиби.

— Спорим?

— Спорим!

Сашка передал Ваське карандаш, прицелился и, размахнувшись, резко рубанул указательным пальцем. Васькины руки вздрогнули и разошлись: в каждой осталась половина карандаша. Как бритвой перерезал!

И вот теперь, выводя из калитки гремющий бидонами велосипед, Васька с раздражением вспомнил про свой неоплаченный долг. «Кулак несчастный! — мысленно ругнул он Сашку. — Небось опять станет про карандаш помнить».

И ошибся. Сашку на этот раз будто подменили. Тихий, внимательный, никого не задирал, не подбивает на спор. А

на Ваську поглядывает ну просто с нежностью, всё равно как на меньшого брата.

Правда, поглядывает он время от времени и на солнце, прикидывает, скоро ли свечерееет. Видно, тянется для Сашки этот день, как год, потому что не терпится ему дорваться до руля.

Поглядывает на солнце и Васька. Но у этого на уме совсем другое. Сгоряча, сдуру дал он Сашке слово явиться вечером с ключом, а самому не хочется. Ох, не хочется!

А солнышко клонится к западу и не так уже сильно печёт. Грозный срок приближается.

Всё так и случилось, как предсказал Сашка. Словно он в воду глядел, шельмец! Когда Васька наполнил бочку до краёв и начал поливать морковь, мать как-то жалостливо стала на него поглядывать. А спустя малое время, строго сказала отцу:

— Или ты ослеп, Кузьма? Бросай тяпку. Нет, чтобы забрать у ребёнка лейку. На нём лица нет — до того умаялся.

— Ладно тебе, мам! — отмахнулся Васька. — Надо ещё вон огурцы полить...

— Как это ладно, раз я ве-лю? Не мужики — чистые не-слухи!

Подмигнув, отец забрал из Васкиных рук лейку, шепнул:

— Беги, брат, пока не передумала! — и легонько толкнул в спину. — За Валеркой там пригляди.

Делать нечего, Васька пошёл домой. Медленно побрёл, как на пытку, потому что солнце уже закатилось и на-стали решительные минуты.

В сенях он ещё чуточку по-стоял. Попил из ведра, хоть и не хотелось. Потом решитель-но отворил дверь, не глядя по-тянулся к знакомому гвозди-ку. И тут же отдёрнул руку, как от огня. Ключей не было!

Обалделыми глазами Вась-ка оглядел стену. Гвоздик на месте, а ключей нет. Где ж они? Всегда висели тут: снизу от цистерны, на которой отец по утрам возит в город молоко, а сверху от самосвала. Бы-ли — и нет. Как корова языком слизала!

Васька пошарил на подокон-

никах, заглянул в кухонную тумбочку. Нету! Подёргал ящик комода, где отец хранит пыжи, порох, дробь, но он был, как всегда, на замке. Неужели в комбинезоне? Шагнул уж бы-ло в сени, но резко остановил-ся: нет, Васька ещё до того не дошёл, чтобы шарить по кар-манам.

Вспомнился Сашкин кукиш. Получается, что он выставил его не кому-нибудь, а себе. Это даже развеселило Ваську. Вот распетушится завтра. Ну и пусть! Васька-то тут при чём, раз ключей не оказалось?

С лёгким сердцем вошёл он на цыпочках в спальню, повер-нул выключатель и раздвинул над коляской марлевый конус. Маленький Валерка посапы-вал сквозь сон и чему-то улы-бался, растягивая толстые ру-мяные щёки. Улыбнулся и Васька. Никуда он не пойдёт на ночь глядя, я ляжет после ужина спать, как подобает че-ловеку, который честно зара-ботал свой отдых.

ОГНЕННАЯ РЕКА

Среди ночи Ваське что-то послышалось. От открыл гла-за. В кухне горел свет, и сквозь щель неприкрытой двери был виден отец: в сапогах, в старом ватнике и кепке. Встревожен-ная мать подала ему ключ от машины, и отец пулей вылетел в сени, даже дверь не закрыл. Сквозь окошко загремели его гулкие шаги...

Откуда-то издалека донёсся частый, тревожный звон. Но, как нарочно, в спальне заорал

проснувшийся Валерка, мать на цыпочках побежала к нему.

Васька полежал с открытыми глазами, недоумевая, и вдруг вскочил, будто под него ежа подложили. Мигом на себя штаны, рубашку — и на улицу. Босые ноги обожгло росой, в уши ударил упругий звон.

Пока бежал к ферме, Васька ещё не знал, что случилось и почему набат. Но вот выскочил на пригорок и понял. Вдалеке, меж двумя чёрными стенами леса, на широком пространстве тёк поперёк поля огненный ручеёк. Совсем не страшный издали, даже какой-то привлекательный в ночи. «Рожь! — сообразил Васька. — Бородулинское поле горит!»

У фермы было не протолкнуться. Мотор самосвала уже работал на малых оборотах, и Васькин отец сидел в кабине.

— А ну, не копайся! — крикнул он, перекрывая галдёж. — Грузи лопаты, садись!

Первыми посыпались в кузов деревенские мальчишки. Но их тут же перехватили. Кого за воротник, кого за рукав и — вон.

— Брысь, босоногие! — загремел сторож дядя Лаврен, на бегу припадая на свой протез. — Косы захватывай, мужики, непременно косы!

Через минуту набитый до отказа грузовик тронулся. Кто сидел в кузове на карачках, кто стоял, кто лежал вдоль бортов. Парни помоложе и девушки пристроились на подножках, держась друг за друга.

И тут из темноты вынырнул Сашка. Взяв разгон, он тигром прыгнул на задний борт, прицепился. Чьи-то руки подхватили Сашку, затолкали в тесноту кузова.

Дядя Лаврен прохромал вдоль фермы, остановился. Неожиданно вскинул голову:

— Василь! Подойди-ка.

Прозябший Васька подбежал, высекая зубами дробь.

— Худо, парень. Мы ж их, считай, с голыми руками послали.

— Как это с голыми? — не понял Васька. — А лопаты?

— Я не про лопаты, сынок. Водицы б им в поле. Без неё — край...

— А как?

— Оно, положим, и не хитро. Видишь цистерну?

Васька догадался! Его ещё сильнее затрясло. Это ж ему сейчас цистерну в поле вести. Без отца! Да ещё ночью! А ну как заглохнет? Или перевернётся?

— Я ж не шофёр, дядя Лаврен, — сдрейфил Васька. — Я только с папкой...

— Знаю, что не шофёр. А ты скажи: доведёшь?

Васька аж попятился. Потом встал, как врытый, сжал кулаки:

— Доведу, дядя Лаврен!

Раскатали четыре пожарных рукава. Срастили. Васька птицей взлетел на цистерну, сунул конец в люк. Дядя Лаврен крутнул маховичок вентиля. Зашипело, рукав надулся кишкой, в цистерну ударила тугая струя.

— Теперь беги за ключом, — приказал дядя Лаврен.

— Мамка не даст...

— Веди мамку! Только с ключом, а не с пустыми руками. Живо!

Но она и без приглашения

выдавил сквозь зубы дядя Лаврен.

— Васи-иль? — ринулась на сторожа мать. — Ты что, сдурел, старый? Ты сперва...

— Цыц! — рывкнул дядя Лаврен. Но, устыдившись своего голоса, сбавил тон:

явилась, на ходу кутая в одеяло орущего Валерку.

— Ключ от цистерны не при тебе, Дарья? — ещё издали крикнул дядя Лаврен.

— При мне. А кто ж поедет? — спросила мать, подходя.

— Василь! Кто же ещё? —

— То ж хлеб, Дарья, — кивнул он в сторону Бородулинского поля. — Неужели ж тебе объяснять?

Мать как-то сникла. Постояла молчком и, нашарив в кармане ватника ключ, подала Ваське:

— Держи, сынок! И я с то-

бой. Может, сгложусь. — Сердито глянула она на Лаврена. — Всё ж таки я шофёрская жена.

Тем временем прибрёл, опираясь на суковатую палку, дед Михась. Ему без малого девяносто. Худой, как вобла. Поверх нательного белья — полушубок, а ноги в валенках.

— Слышь, Лаврен, — с ходу оценил обстановку дед, —хвати-ка бороны. Смекаешь?

— Бороны? А и верно! Тащи, хлопцы, бороны к цистерне. Только на что ж прицепить?

— В кладовке верёвка. Новенькая! — посоветовал Егор Костылёв.

— Ты соображаешь? — рассердился Лаврен. — Трос нужен, а не верёвка. Железо, чтоб...

— А если цепи? — надоумил Васька.

— Цепи? В самый раз! Беги отцепляй шесть крайних коров, выгоняй вон, а цепи — сюда.

— Зачем вон? Пускай так.

— Делай, что велю! — прикрикнул дядя Лаврен. — Отвязанные коровы тем, что на цепях, кишки повыпускают в тесноте. Понял?

Шесть железных борон, связанных цепями попарно, перекинули через толстое брюхо цистерны. Вытащили пожарный рукав и закрыли воду. Дядя Лаврен оглядел Ваську, потом остальных мальчишек. Все как один босые и только в рубашонках.

— Катерина, ко мне!

Подбежала Катя Перепели-

цына, в резиновых сапогах, в вязаной кофте, а на голове косынка.

— Разувайся!

Катя послушно скинула сапоги.

— Сымай кофту, дай сюда!

Забрав у Кати кофту и сапоги, дядя Лаврен сунул их продрогшему Ваське, а сам взобрался на подножку, стал командовать:

— Катерина, прими у тётки Дарьи малого, тащи домой. Дед Михась остаётся на ферме за старшего, а все хлопцы у него в помощниках. Дарья, садись в кабину! Василь, бери баранку, трогай!

Хорошо, что Васька догадался запустить мотор на холостые обороты, пока ещё наполнялась цистерна. Зато теперь он прогрет и годен в рейс.

В Катиных сапогах и кофте он влез в кабину, захлопнул дверцу. Выжал сцепление, дрожащей рукой включил первую передачу. Только хотел тронуть, а тут дед Михась с вилами:

— Сгодятся, помяни моё слово! — И сунул вилы в щель за кабину.

Васька прибавил газку, отпустил сцепление. Рывок — и мотор заглох.

— Не горячись, сынок ты же умеешь! — коснулась мать Васькиного плеча. — Главное, не горячись.

Со второй попытки машина пошла. Васька словно одеревел за рулём, впился глазами в дорогу. Сбоку побежала большая горбатая тень.

Мать с тревогой следила за Васькиными руками, за упрямо насупленной правой бровью.

— Будем заходить с подветренной стороны, — после молчания подал голос дядя Лаврен. — Поперёк поля пойдём, чтобы перехватить огонь.

Постепенно становилось светлее. Теперь уже Васька видел, что не ручеек течёт во ржи, а бушует огненная река. Валом валил дым, сыпались искры, дышало жаром.

— Притормози и сворачивай! — приказал дядя Лаврен.

Васька свернул с дороги, остановил машину. Сняли бороны, прицепили. Дядя Лаврен скинул с себя ватник, постелил на бензобак и щедро полил его из шланга. Заметив эти приготовления, мать рванулась к нему, повисла на плече:

— Неполных же мальчонке тринадцать, а ты его в огонь!..

Вздохнул старый воин, придержал пошатнувшуюся женщину и веско сказал, сурово:

— В сорок пятом под Кенигсбергом мне роту доверили — больше сотни чьих-то сынов. Так неужели ж я одного не сберегу, Даша? Успокойся. Я его водой прикрою. Ну, а если уж обойдёт, отрежет, к примеру, — тоже ещё не гибель. Это ж солома. Устроим над собой фонтан и пересидим какие-то минуты. Только учти: дальше мы вдвоём пойдём, с Василием. Нам в таком деле

пассажира иметь не с руки. Зачем пустой риск? Да и Валерка у тебя ещё маленький.

Мать молча кивала, соглашалась. Спотыкаясь, она отошла на дорогу, а Лаврен со шлангом в руках вскочил на подножку с Васькиной стороны.

— Пошёл!

Васька включил первую, двинулся на рожь, как на стену. Начали никнуть тяжёлые колосья. По ржи, как по воде, словно волна побежала перед машиной.

Бороны забрали и пошли валить, кромсать упругие стебли, потащили зубьями охапки соломы. А за цистерной потянулся широкий след — как траншея во ржи.

Машина шла медленно, почти как пешеход, потому что Васька не рискнул переходить на вторую передачу, боялся заглушить. Слева несло жаром, в кабину закидывало ошметки дыма, а впереди и вовсе ничего было не разглядеть. Васька включил дальний свет, скосил на мгновение глаз влево и тут же отвёл: лучше не смотреть, не так страшно. В этот момент дядя Лаврен и окатил его из шланга водой. Васька съёжился, через силу улыбнулся дяде Лаврену.

Остановились, перевернули бороны. Вилами деда Михася освободили зубья, а солому полили водой. И снова двинулись вперёд в кромешном дыму.

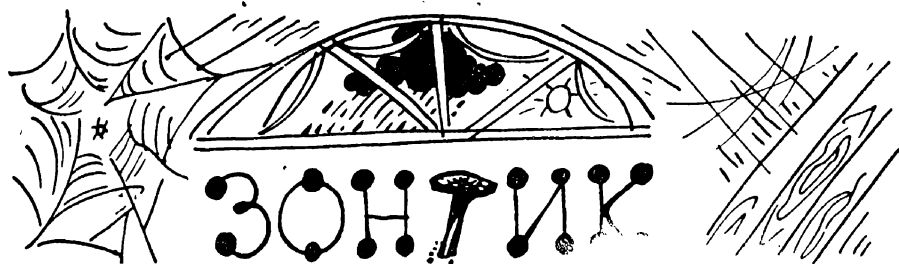
(Продолжение следует)

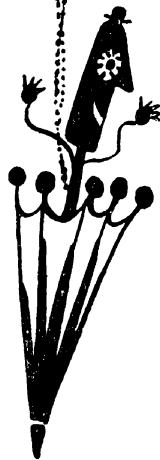
Щенок напал
На лисий след.
Идти по следу
Или нет?
Наверняка,
Лису в село
Недобрым ветром
Занесло.
Чтоб зверю
В чашу не уйти,
По следу
Следует идти.

Но...
Очень крупные следы.
И как бы
Не было беды!
К тому же им
Не по пути...
Раз так — не следует
Идти.
Щенок следы
Исследует:
Следует —
Не следует?..

Весною столько
Солнышка везде,
А он висит
В чулане
На гвозде
И всё ворчит:
— В такое
Время года
У нас всегда
Неважная погода!
Уж ты меня
С собою не бери.
Иди себе, дружок,
И дверь запри! —
А осенью

Приходят к нам
Дожди.
Я слышу
Из чулана:
— Обожди!
Ты, кажется,
Собрался погулять?
Не забудь меня
С собою взять.
Учти, дружок,
Что в это
Время года
У нас всегда
Отличная погода!

ВДРУГ И ОДНАЖДЫ

САМЫЕ любимые слова у Нинки — «вдруг» и «однажды». Услышит или увидит их где-нибудь — сердце так и забьётся. А правда, замечательные слова!

Если в книжке нет ни одного «вдруг» — стоит ли эту книжку читать?

Зато если диктор начинает передачу словом «однажды» — замри! Дальше такое будет!..

Всё самое интересное по телевизору, в кино да и в жизни тоже — обязательно происходит вдруг.

Так же любит Нинка в очереди стоять. Там обязательно услышишь и «вдруг» и «однажды». Растопыряй уши, не ленись!

Сколько раз она попадала впросак из-за этих слов! Говорят «друг», а ей слышится «вдруг». Говорят «от жажды», а ей слышится «однажды».

Только вот с ней самой ничего не случилось — ни вдруг, ни однажды.

Наконец пошла Нинка в школу, в первый класс.

Однажды её вызвали к доске, стихи читать.

И вдруг она эти стихи забыла.

Ноги у Нинки дрожат. Шутка ли — первая двойка в жизни! Ну, пятая хотя бы, а то первая! Без привычки тяжело.

Вдруг дверь открывается и в класс входит директор:

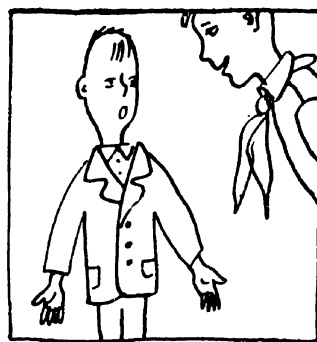
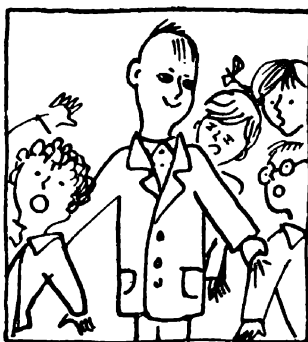
— Есть у вас ученица Нина Фёдорова?

— Есть, — говорит учительница, — вон у доски, стихи вспоминает.

— Я вас очень прошу, — говорит директор, — отпустите её, пожалуйста, с урока. К ней брат приехал из армии.

Вот так вдруг! Счастье-то какое!

— Хорошо, — говорит учительница, — сейчас отпущу. Но раз уж она у доски стоит, пускай сначала стихи прочтает.

— Согласен, — говорит директор. — Тогда я тоже посижу и послушаю.

И вдруг...

Вы, наверное, думаете, прозвенел звонок? Или — свет в школе погас?

Нет, Нинка вспомнила стихи.

ОДНОЛУЧЁВКА

УЕХАЛ насовсем в другой город командир третьей звёздочки. Вожатый сказал:

— Прохоров, теперь ты будешь командиром. Я тебе доверяю.

Если по правде, командира надо выбирать. Наверное, вожатый забыл об этом. Наверное, он назначил Прохорова командиром, потому что хотел перевоспитать его. Недаром он сказал: «Я тебе доверяю».

А Прохоров выше всех в классе. По росту бы ему в пятый, но, как известно, в классы принимают не по росту.

Собрал Прохоров свою звёздочку и говорит:

— Ну что, прыщи. Слушаться будете?

Все молчат.

— Так вот, прыщики, — говорит Прохоров. — Кто слушаться не будет, тому будет стук.

И Прохоров, взяв двух своих октябрят за шиворот, легонько стукнул их лбами.

Что такое больно по сравнению с обидно?!

Пошли обиженные к Кате Ивановой:

— Возьми нас к себе в звёздочку...

— Ладно, идите.

А те, что остались, говорят Прохорову:

— Ты, Прохоров, извинись. Так нечестно.

— Что-о?!

И этих лбами стукнул, только погромче.

Эти заплакали и тоже пошли к Кате Ивановой:

— Катя, а нас возьмёшь?

— Давайте, — говорит Катя, — возьму.

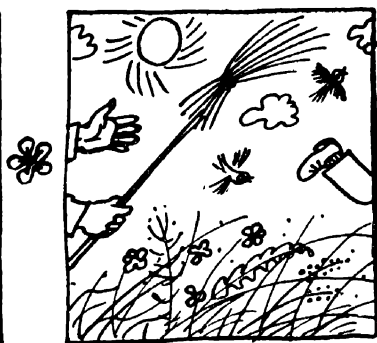
Прохоров остался один. Это ему не понравилось. Он подошёл к Катиной звёздочке, сосчитал всех оттопыренным большим пальцем и презрительно сказал:

— Де-вя-ти-лу-чёв-ка. Ха! Таких не бывает.

В это время в класс вошёл вожатый и скомандовал:

— По звёздочкам строиться!

Когда все построились, оказалось, что Прохоров стоит один. Вожатый удивился:

— Это что такое?..

— Это однолучёвка, — сказала Катя, и все засмеялись.

Только Прохоров не смеялся. Он сказал:

— Ха! Однолучёвка. Таких не бывает.

ПРОВЕРКА

ПОСЛЕ уроков Прохоров подошёл к Максиму:

— Ты смелый?

— Не знаю, — сказал Максим.

— Раз не знаешь, надо проверить, — сказал Прохоров, — пошли.

Прохоров привел Максима к павильону «Фрукты — овощи». С тыльной стороны в павильоне была дверь. За дверью в узком проходе громоздились пустые ящики.

— Возьмёшь, где апельсин нарисован. Марокко.

Максим медлил. Он боялся.

— Эх ты, трус. Всем скажу, что трус.

— Я не трус, — сказал Максим, — а воровать не стану.

— Да это ж не воровство! — закричал Прохоров. — Это ж проверка!

Проверка смелости и всё. Берёшь пустой ящик, бежишь и вместе мотаем отсюда...

Максим шагнул к павильону. Подошёл к двери. Оглянулся. Прохоров делал ему знаки: давай действуй!..

Максим зашёл в полутёмный коридорчик. Пахло яблоками и кислой капустой. Из-за тонкой перегородки доносились голоса продавцов.

Максим нашёл глазами фанерный ящик с яркой наклейкой. Он стоял высоко, выше других. Максим подпрыгнул, потянул ящик на себя.

Раздался грохот. Сверху что-то посыпалось.

Максим выскочил из павильона и с пустым ящиком в руках бросился в подворотню. За спиной кричали: «Вор! Держи вора!»

Прохоров стоял посреди двора. Увидев Максима, он громко шепнул: «За мной!» — и пустился наутёк.

Шум погони нарастал. «Лови! Держи!» — кричали сзади. Надрывался дворницкий свисток.

Только бы догнать Прохорова. Только бы не остаться одному.

Максим мчался изо всех сил. Миновал один двор, другой, пропетлял по узким кривым переходам, заваленным мусором, и наконец в промежутке между домами увидел зелёную даль бульвара.

Выбежал на бульвар. Тяжело дыша, огляделся.

Незнакомые люди спокойно шли мимо. Мамаши катили в колясках малышей. Старушки поблескивали очками и спицами. Старички выгуливали собак.

А далеко-далеко, почти на горизонте, как ветер, летел Прохоров. Максим поставил ящик в траву и сел на него.

ПРОХОРОВ вернулся не скоро. Щёки у него были малиновые. Волосы прилипли ко лбу. Он сказал:

— Проверочка окончена. Полный порядок.

— Почему ты убежал? — спросил Максим. — Говорил, вместе, а сам...

— Ничего не поделаешь, — сказал Прохоров, — такая проверка. У тебя — на смелость. У меня — на быстроту.

ПО ТУ СТОРОНУ

МИШИНА бабушка жалуется соседкам:

Все дети как дети! А наш?.. Приводит на днях Червякова...

Червякову не везёт в жизни. Прозвище у него — Червяк. Только Миша зовёт его по имени — Вовкой. И тот не отходит от Миши ни на шаг. Он самовольно пересел к Мише, прогнав с парты Нинку. Он провожает Мишу домой из школы. И заходит за ним по дороге в школу.

Червяков по натуре добрый малый, но характер его портится из-за этого прозвища. Тех, кто называет его Червяком, он ругает худыми словами, дерётся с ними. В том же случае, если обидчик сильнее, Вовка исподтишка причиняет ему всякие неприятности.

Постепенно люди забыли, с чего всё началось, и помнили одно: Червяков — драчун и ругальщик. Подозрительная тень Червякова падала на всякого, кто дружил с ним.

— Так вот, — рассказывает Мишина бабушка, — приводит он к нам Червякова, а тот упал в лужу. Миша говорит: «Бабушка, можно Вовка у нас отмоется?» Я говорю: «Миша, разве у мальчика нет своей квартиры?» — «Есть, — говорит, — но дома ему попадёт». Я говорю: «Хорошо, но почему другие дети не падают в лужу? Почему Максим не падает? И Катя...» А он говорит: «Так и я не падаю». А я говорю: «Будешь с ним водиться — тоже будешь падать». Этот Червяков говорит: «Он не будет падать». Я говорю: «Вы, мальчик, лучше бы вели себя прилично, тогда и не падали бы». Миша говорит: «Ты не беспокойся, бабушка, я сам его вымою». Вы видели это? Он вымоет! Как вам это нравится?!

Соседки, сочувственно качая головами, смотрят туда, где согласно бабушкиным жестам находится воображаемый Миша.

— Я борюсь с ним, — говорит бабушка, — я всё время борюсь с ним.

— Червякова-то вымыл, ай как? — спрашивает бабка Люда.

— Представьте, вымыл! Но грязи! Грязи сколько!.. На следующий день иду в школу. Рассаживаю их на разные парты. Запрещаю им дру-

жить. И что вы думаете? Продолжают встречаться. Гоняют шайбу. Бегают с чужими собаками. Я говорю: «Миша! Ты опять гонял шайбу с Червяковым?» — «Нет, бабушка». — «Гонял, Миша!» — «Не гонял, бабушка!» — «Миша, — говорю, — ты портишь мне кровь своим враньём! Видишь этот бинокль? Я наблюдаю буквально всё!»

— Ну! — восклицают соседки. — А он?

— Что он, — вздыхает бабушка. — Просил прощения...

Тут она вспоминает:

— Время, время... Уроки кончаются, надо спешить...

В ШУБЕ, тёплом платке и с театральным биноклем в руках бабушка выходит на балкон. В обозримом пространстве нет ни Миши, ни Червякова. Бабушка водит биноклем туда-сюда. В мусорные баки заглянула, на крышу соседнего дома...

Великая вещь — бинокль! Но даже у великих вещей есть недостатки. Бинокль, например, не в силах проникнуть сквозь дом или обогнуть его, как это делаем мы, когда хотим узнать, что происходит по ту сторону.

По ту сторону Миша и Вовка Червяков играют в снежки. Наигравшись, они прощаются и выходят из-за дома поодиночке. Миша с одной стороны, Червяков — с другой.

Игорь ПОЯРКОВ

Здравствуйте,
Страус Эму!
Вы похожи
На хризантему.
И ваша жена,
Страусиха Эмма,

То же
Похожа
На хризантему,
А ваш любимый сыночек
Очень похож
На бутончик.
Эму,
Простите вопрос иностранцу:
— Куда вы бежите?
Зачем так стараться? —
Ответил мне страус:
— А я не стараюсь,
Я
Автомобиль обогнать собираюсь.
А мне ведь не долго
Догнать, и не сложно
И «крайслер», и «волгу»,
И «форды», и «доджи»,
Поэтому я не волнуюсь.
Я, видите ли,
Тренируюсь.
Пока не могу,
Но увидите вот:
Когда-нибудь
Я
Обгоню самолёт.

В конце большой перемены подошёл ко мне Толик Дмитриев из девятого «б» и говорит:

— Сегодня после уроков будем слушать новую пьесу. Не опаздывай!

Слушать так слушать. Пьесу так пьесу. Я не возражал.

Толик Дмитриев — режиссёр нашего драмкружка. Я тоже в кружке, хотя и не актёр. Голос у меня глуховатый. И руки я не знаю куда девать. Но драмкружку без меня не обойтись. Я один во всей школе играю на старинном русском инструменте — балалайке. Во время спектакля я сижу за кулисами и в нужные моменты играю, чтобы создать у зрителей настроение.

После уроков я прибежал на третий этаж, в класс Толика Дмитриева. Все кружковцы уже собрались. Наш школьный поэт и драматург Саша Пищиков стоял наготове с пьесой, свёрнутой в трубку.

Я сел на свободный стул в углу. Пищиков развернул рукопись и стал читать. Пьеса называлась «В одной школе».

Всякая пьеса начинается со списка действующих лиц. Саша Пи-

щиков назвал фамилии трёх каких-то лиц, я их не запомнил, и вдруг читает:

— Юра Кочкин!

Юра Кочкин — это я. И, конечно, я так и подскочил на стуле.

— То есть как это, — говорю, — я действующее лицо? Как это понимать? Ты что, с ума сошёл?

— Ни с чего я не сходил, — отвечает Пищиков. — Автор имеет право выбирать для своих героев любую фамилию. Не волнуйся! Это же будешь не ты. Это обобщённый образ. Я взял твою фамилию, чтобы публика острее воспринимала происходящее на сцене.

— Вот ты себя и вставляй в пьесу, чтобы публика острее воспринимала! — говорю я.

— Не могу! — говорит Пищиков. — Я автор.

И так он автор, и этак автор. Удобно устроился!

Я говорю:

— Нельзя пользоваться фамилиями живых людей. Они могут обидеться! Действующим лицам надо давать фамилии мёртвых. Тем всё равно. А лучше, чтобы фами-

лии были вовсе незнакомые. Скажем, Сидоров.

Режиссёр Толик Дмитриев говорит:

— В седьмом «б» классе есть один Сидоров. Он тоже может обидеться.

— Тогда что-нибудь вроде... Гипотенузов. Таких фамилий не бывает.

— Бывает! — говорит драматург Саша Пищиков. — Я недавно в телефонной книге видел. Ребята! Могу я дальше читать? Или мы так и будем топтаться на месте из-за этого Кочкина?

Читай! Читай — закричали кружковцы. Им что! Они в список действующих лиц не попали.

Пищиков продолжал перечислять действующих лиц. Перешёл к женским ролям. Вдруг читает:

— Маша Королькова.

Маша — тоже член драмкружка. Она из восьмого «в». И сидит тут же.

Маша сначала покраснела. Потом побледнела. Потом сказала:

— Я в такой пьесе играть не буду! Это форменное безобразие!

Так как список действующих лиц был исчерпан и никто больше из присутствующих в него не попал, все стали уговаривать Машу успокоиться, не обижаться и не придавать значения.

Маша успокоилась. Но глаза у неё всё равно были на мокром месте.

Саша Пищиков стал читать первое действие. Огорчённый всем происшедшим, я плохо слушал пьесу. Что-то там было про жизнь одного класса, как в нём завёлся ябед и что из этого вышло. Случай не имел отношения к нашему классу, шестому «а». У нас ябед не водилось. Это был воспитательный спектакль для всей школы.

Прислушавшись повнимательней, я обнаружил, что выгляжу в этой пьесе подозрительно похожим на себя. В очках. Коллекционирую марки. Грызу ногти. Часто роняю на пол грязный носовой платок. И подбиваю класс смазать маслом перья перед контрольной работой, чтобы они не писали... Герой не очень отрицательный, но и не положительный.

Маша Королькова в пьесе тоже напоминала Машу в жизни. Веки для красоты подкрашивает. Перед зеркалом всё время вертится. Пишет себе в альбом разными почерками модные стихи, а потом уверяет, будто ей сами поэты написали.

Слушая второе действие, я прямо лопался от негодования. Я сверлил взглядом этого негодного Пищикова, думая, что ему будет стыдно за то, что он написал. Но стыдно ему не становилось.

Пищиков кончил читать и сказал:

— Конец.

Все похвалили пьесу. Все, кроме нас с Машей.

Режиссёр Толик Дмитриев сказал:

— Пьеса хорошая! Будем ставить. Давайте теперь распределять роли.

Тут я выкрикнул:

— Юру Кочкина буду играть я!

— До сих пор ты играл только на балалайке, — сказал Толик. — Актёрских талантов за тобой не числится. Нельзя тебе поручать эту роль. Ты с ней не справишься!

— Как это я не справлюсь сам с собой? Что, я себя не знаю?

— Себя ты знаешь. Но актёрских способностей и опыта у тебя нет. Мы поручим эту роль Сёме Залкинд. Она выйдет у него естественней.

Сёма Залкинд — хороший парень. Он тоже носит очки. Но характером совершенно на меня не похож.

Тут вмешивается несносный Пищиков. Он говорит:

— Толик прав! Кочкин не может так хорошо подчеркнуть недостатки этого персонажа, как Залкинд. Он будет их затушёвывать!

— Сам ты персонаж! — говорю я. — Подчёркивал бы лучше собственные недостатки! Драматург тоже выискался!

Про себя я подумал, что Пищиков прав. Я определённо не подчёркивал бы свои недостатки.

Как я ни сопротивлялся, все решили, что Залкинд сыграет Кочкина убедительнее, чем я. Он, видите ли, лучше войдёт в образ. Слыхали что-нибудь подобное?

Когда очередь дошла до роли Маши Корольковой, режиссёр сказал, что ей тоже нельзя играть себя.

Маша разревелась и выскочила вон из класса. Без неё эту роль отдали Татке Суховой.

Мне поручили играть на балалайке. За кулисами. В тот самый

момент, когда разоблачают ябеду и все от него отворачиваются. Играть что-нибудь грустное, чтобы подчеркнуть трагизм этой сцены.

Я хотел было наотрез отказаться и не участвовать в спектакле, но потом согласился. Я ещё не знал, что буду делать, но решил как-нибудь, по ходу пьесы, её исправить. Чтобы выглядеть лучше, чем меня изобразил этот самодельный драматург Сашка Пищиков.

Наступил день премьеры. Школьный зал битком набит ребятами и гостями. Идёт первое действие. Я сижу за сценой с балалайкой в руках. Настроение у меня — хуже некуда.

Толик, правда, сказал зрителям перед началом, что все персонажи в спектакле вымышленные и случайному совпадению фамилий не следует придавать значения. Но все прекрасно поняли, что я — это я, а Маша — это Маша.

Сёма Залкинд на сцене старался всю. Грыз ногти. Поминутно ронял на пол носовой платок. И подбивал ребят смазывать маслом перья перед контрольной.

В зале, конечно, хохот. Смешно! Посмеялись бы они, если бы их самих так представляли...

Подходит конец акта. На сцене, изображающей опустевший класс, сидят два общественника. Они обсу-

ждает меня, Машу Королькову и этого злосчастного ябеда. Обсуждают, как помочь нам исправиться.

Ябеде всё равно. Он не существует. Но ведь я ещё существую! Как-то мне видеть то, что на сцене делается!

Один общественник говорит, как ему положено по роли:

— Жаль, Анатолия Ивановича нет. Он сейчас хворает, лежит в больнице. Он бы посоветовал, как с этими ребятами поступить!

Анатолий Иванович — классный руководитель того класса, где ябеда. Ему по пьесе появляться не полагается. О нём только говорят.

Вдруг меня осенило. Я подумал: «Ах, вот что! Вам Анатолия Ивановича не хватает? Будет вам Анатолий Иванович!»

Тут я откладываю в сторону балалайку, беру с гримировального столика нос с усами на резинке и надеваю этот нос, чтобы придать себе серьёзный учительский вид.

Поглядел я в зеркало, чтобы проверить, хорошо ли сидит нос, и ахнул: вот это да!

Я же вылитый Николай Петрович, наш классный руководитель. У него уши оттопыренные, и у меня уши оттопыренные. У него вихор на макушке, и у меня вихор. И я в очках, и он. И нос теперь у меня, как у него, толстый.

Отступать было поздно. Твёрдыми шагами направился я в обход

кулис на сцену. Кто-то пытался меня задержать. Я не дался.

Когда я появился на сцене, у ребят, что играли общественников, от удивления чуть глаза на лоб не выскочили. Они раскрыли рты и окаменели.

Я говорю:

— Здравствуйте ребята! Вот я и поправился. Пришёл снова в школу. Слышу, вы что-то про меня говорите, и зашёл!..

Тут в зале поняли, что я — это вылитый Николай Петрович. Грянул такой хохот, что стены задрожали.

Все хохочут. Я молчу. Наконец я помахал залу рукой, чтобы успокоились. Когда все утихло, я сказал:

— Ну так вот ребята!..

Снова раздался хохот, потому что Николай Петрович почти каждую фразу начинает с «Ну так вот». Пришлось опять помахать зрителям рукой.

— Ну так вот, ребята, — повторил я. — Нехорошо судачить про товарищей. Надо терпимее относиться к недостаткам друзей и строже к своим собственным. Эти суды-пересуды до добра не доведут!

В зале снова засмеялись. «Суды-пересуды» — одно из любимых выражений Николая Петровича. Как оно попало мне на язык — ума не приложу.

— Что вы знаете о своих товарищах? — продолжал я. — Вы ведь о них многого не знаете.

В зале притихли. Всем было интересно узнать, что нового скажет учитель обо мне, Маше и ябеде.

— Вот Юра Кочкин! — сказал я. — Он добрый мальчик. Ни одного малыша хулиганам в обиду не даст. Всегда заступится. И двух старичков-пенсионеров из своего дома опекает. Носит им обед из столовой, подметает комнату. В семье помогает по хозяйству... А Маша Королькова? Она всю зиму синичек в школьном саду прикармливала. Маша лучшая сандружинница. Даже вывихи вправлять умеет.

Тут я ещё что-то хорошее сказал про себя. И ещё раз про Машу.

Только ябеду я не защищал. Ябед я не люблю. Ну, да этому ябедё все равно, он же не существует.

Пока я, как говорится, входил в образ учителя, за сценой творилось что-то невероятное. Толик Дмитриев и Саша Пищиков метались за кулисами, размахивали руками, высовывали головы из-за декораций, прятались снова.

Из-за меня пьеса пошла куда-то не в ту сторону. Те, кто был на сцене, не знали, что мне отвечать. Те, кто ожидал своего выхода, не знали, когда им выходить и что говорить. То ли соглашаться со мной, что Кочкин хороший парень, то ли выгонять меня со сцены.

Но я изображал учителя. Учителя выгонять неудобно. Кроме того, я же ничего плохого не говорил. Даже наоборот — одно хорошее. За что меня выгонять?

— Занавес! Занавес! — зашипел режиссёр Толик Дмитриев, высушившись из-за кулис.

Дали занавес. Так как я вышел незадолго перед концом первого действия, занавес не вызвал у публики никаких подозрений. Да и я уже до конца выговорился.

Зрители громко хлопали. Хочешь не хочешь, пришлось снова поднять занавес. Я три раза выходил на аплодисменты и кланялся. Про себя я думал: как теперь Толик Дмитриев и Саша Пищиков выйдут из положения? По правде сказать, я этого не представлял.

— Что ты наделал! — сказал мне Толик, когда занавес окончательно опустился, а зрители вышли в коридор погулять во время антракта.

— А что такое? — сказал я, делая вид, что не понимаю, почему Толик волнуется.

— А то, что теперь мы не знаем, как дальше играть! Хоть беги и в речке топись. Или прекращай спектакль.

— Зачем прекращать? — сказал я. — Надо немного изменить образы Юры Кочкина и Маши Ко-

рольковой. Чтобы они соответствовали тому, что говорил учитель.

— Да понимаешь ли ты, дурень этакий, что Залкинд уже не сможет выучить роль по-новому. Тем более что и роли-то нет. Она...

— Не надо её заново писать! — сказал Николай Петрович, наш классный руководитель, вышедший из-за кулис на сцену. — Кочкин здорово импровизирует. Он на ходу может додумать любую роль. Так что вот... пусть он своего Кочкина, которого так хвалил, сам и доиграет во втором акте. Кстати, как он меня здорово изобразил! Прямо талант.

— Идея! — радостно сказал Саша Пищиков. — Роль Кочкина второстепенная. На основной сюжет не влияет. Пусть доигрывает! Только чтобы не сильно отклонялся от текста. Ты эту роль хоть немного знаешь?

Ещё бы я её не знал! Я знал её наизусть. Я её даже по ночам повторял. И не спал ночей от обиды.

— Знаю, — мрачно сказал я, — постараюсь не отклоняться.

Перед вторым действием на проscениум вышел Толик Дмитриев и, обращаясь к залу, сказал:

— В связи с внезапной болезнью артиста Семёна Залкинда, роль Юры Кочкина во втором действии исполнит артист Юрий Кочкин!

В зале раздался смех. Но я уже не беспокоился. Теперь зрители думали о Юре хорошо. Во втором акте я смогу ещё немного смягчить свои недостатки. А Маше вообще нечего волноваться, её роль в первом действии кончилась.

Второе действие прошло гладко. Меня снова вызывали. Все в зрительном зале были довольны. И я был доволен.

Больше я уже не играю в спектаклях на балалайке. Я получаю хорошие роли, как все кружковцы. Иногда даже первые роли. Но теперь я всерьёз взялся за исправление своих недостатков. Вдруг да снова попаду действующим лицом в какую-нибудь пьесу.

В Ленинградском государственном университете учится много студентов-африканцев. Из разных стран приехали они в наш город. В том числе и из Нигерии.

Нигерия не самое большое государство среди стран Африки, но самое населённое: в нём живёт 57 миллионов человек. Это народы хауса, йоруба, энгении и многие другие. Языки у этих народов — разные. Поэтому-то нигерийцы, как и другие африканцы, с детства говорят на двух, трёх, а то и четырёх местных языках.

Чтобы ни один народ страны не был обижен, в качестве государственного языка сохранили английский, с которым большинство нигерийцев хорошо знакомо: ведь их свободное государство — бывшая английская колония. В свободной Нигерии английский язык — нейтральный.

Начиная с 1963 года — года провозглашения Нигерийской республики — в наши институты и техникумы приезжают учиться многие нигерийские юноши и девушки. В их числе приехал и Адебайо Фестус Арикаве. С 1968 года он учится на филологическом факультете Ленинградского университета.

Байо (как зовут его сокращённо) знает много сказок своего народа — йоруба, одного из самых многочисленных народов Нигерии. Да и сам он как будто вышел из сказки: дед его был вождём племени и умер в 150 лет, оставив более 100 внуков, среди которых Байо — старший и потому должен наследовать его власть. Но Байо отказался от своего права на власть. Он окончил колледж, где возглавлял дискуссионный литературный клуб и драмкружок.

Сам он играл тоже на сцене: в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» исполнял роль Брута, в трагедиях Софокла «Царь Эдип» и «Антигона» — роль Креонта. В Ленинградском университете Байо тоже участвует в художественной самодеятельности: читает стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Учится Байо отлично.

ПОЧТИ все африканские народы верят, что сказки не должны звучать при дневном свете. Бабушки и дедушки рассказывают сказки только с наступлением темноты, когда дети собираются у огня во дворе своего дома. Мудрые и остроумные сказки народов Африки учат правильному отношению к жизни, уважению к людям, внушают правила поведения в быту.

Ум, смекалка, сила воли, находчивость — качества, высоко ценимые африканцами. Во многих их сказках подчёркивается превосходство ума над физической силой. Так, лев, леопард, слон почти всегда оказываются побеждёнными черепахой, пауком

и другими маленькими животными.

У каждого народа есть свой излюбленный герой, олицетворяющий эти качества. В сказках Нигерии это черепаха, с которой вы встретитесь во всех сказках, рассказанных Байо. На языке йоруба она зовется «аджапа». В одних сказках о черепахе народ выражает своё восхищение возможностями человеческого ума (ибо черепаха в сказках йоруба осознаётся как человек), в других сказках, там, где изворотливость ума черепахи идёт во вред другим, черепаха осуждается как хитрое, коварное и жадное существо, как человек, желающий добиться успеха за счёт другого. В сказках народов Ганы такую роль играет паук, у народов Анголы — газель, у народов Уганды — заяц.

Итак, давайте познакомимся с хитроумным Аджапой.

Г. АНПЕТКОВА-ШАРОВА

КАК ЧЕРЕПАХА НАУЧИЛАСЬ ЖИТЬ В ВОДЕ

Однажды сын черепахи, которому отец-черепаха только что нацарапал на лице племенные знаки¹, прогуливался по берегу реки, очень довольный своим разрисованным лицом. Вдруг из воды высунулась большая рыба и с восхищением стала рассматривать мальчика.

— Кто ты? — спросила рыба.

— Я сын Аджапы.

— А кто так красиво разрисовал твое лицо?

— Мой отец Аджапа.

— Ой, какой ты счастливый! Теперь тебя будут любить девушки. Как мне хотелось бы, чтобы и мои дети стали такими красивыми!

— Что ж, обратись к моему отцу. Он очень добрый и охотно разрисует лица твоим детям.

¹ У многих народов Чёрной Африки было принято делать на лице надрезы — племенные знаки. Иногда это одна полоска на щеке, иногда несколько полосок, идущих в разных направлениях.

И сын черепахи повёл рыбу к себе домой.

Аджапа согласился за 20 фунтов¹ сделать племенные знаки всем детям рыбы. На другой день рыба привела к черепахе своих сыновей и дочерей. При виде целой стаи маленьких рыбок Аджапа подумал: «А ведь я за свою жизнь ни разу не ел рыбы. И вряд ли мне ещё раз представится такая возможность: ведь рыба живёт в воде! Неужели я упущу такой удобный случай?» И Аджапа сказал:

— Пока я буду вырезать знаки на лице одного, остальные твои дети должны находиться в другой комнате. Иначе ничего не выйдет.

— Хорошо, — сказала рыба. — Они будут заходить к тебе по одному.

Пошёл Аджапа со старшим сыном рыбы в другую комнату, сделал ему надрезы на щеках и показал издали их матери. Рыбе понравилась работа черепахи. Тогда Аджапа закрыл дверь, разжёг в комнате огонь, изжарил и съел её злополучного сына. Потом он стал по одному вызывать остальных детей рыбы, каждого убивал, жарил и съедал. Так ему понравилась жареная рыба, что он съел всех, никого не оставив рыбе, которая терпеливо ждала в другой комнате.

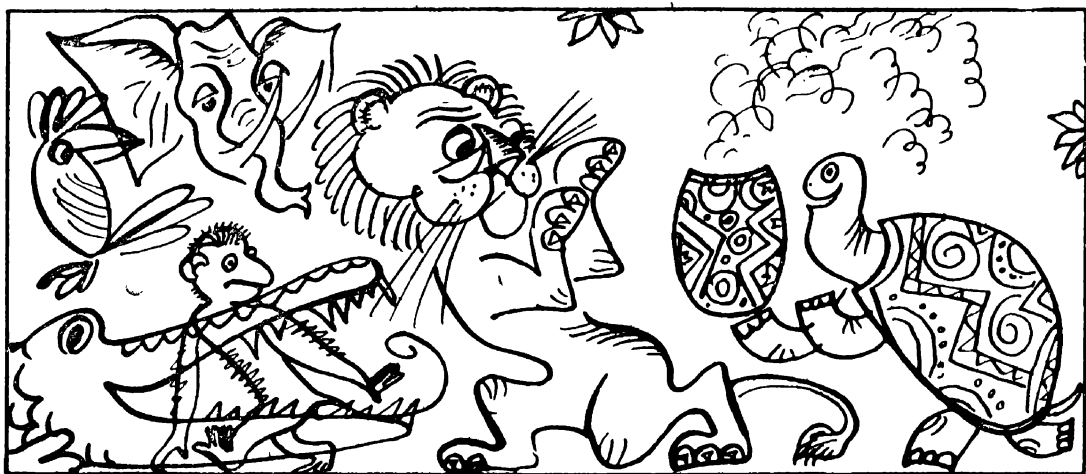
— Вот что, — сказал Аджапа. — Ты иди домой, твоим детям сегодня нельзя выходить на воздух: пусть ранки на их лицах заживут.

Рыба пошла домой очень довольная: теперь дочери её будут красавицами, а сыновья — завидными женихами. Очень понравилось ей искусство черепахи.

На другой день она пришла за детьми, но Аджапа сказал:

— Нельзя, чтобы дети видели художника, который сделал их красивыми, не то знаки могут исчезнуть. Я уйду из дома, а ты подожди немного и только тогда открывай дверь, когда я скроюсь из вида.

¹ В Нигерии денежная единица — нигерийский фунт. В переводе на наши деньги это примерно 2 руб. 50 коп.

Отдал Аджапа рыбе ключ от дома, а сам быстро пошёл прочь. Когда он скрылся из вида, рыба открыла дверь, но вместо своих детей нашла только их скелеты. Сначала она ничего не поняла, потому что не знала, что рыбу едят. А когда поняла, бросилась догонять черепаху. Догнав, рыба схватила её и, размахнувшись, швырнула в реку.

С тех пор некоторые черепахи могут жить и на земле, и в воде.

ХИТРОСТЬ ЧЕРЕПАХИ

Однажды у зверей был великий спор: кто из них лучше и умнее всех? Аджапа сказал:

— Лучше всех тот, кто может залпом выпить целый калebas¹ кипятку.

Всем слова Аджапы показались нелепыми: как можно пить кипяток? Но никто не хотел сказать об этом, потому что каждый боялся показаться другим хуже и глупее черепахи. «Как! — сказал себе лев. — Аджапа может пить кипяток, а я не могу? Ну, нет, признаваться в этом нельзя ни в коем случае!» То же самое подумали слон, обезьяна и все другие звери. И все согласились принять участие в таком состязании.

Хлебнул лев кипятку, обжегся, закашлялся, уронил калebas. Попробовали хлебнуть обезьяна, слон и гиена.

Все с криком роняли калebas и долго не могли прийти в себя.

— Эх, вы! — сказал Аджапа. — Смотрите, что я буду делать. Только все сядьте в круг: прежде чем я начну пить кипяток, я хочу, чтобы все убедились, что это кипяток!

С этими словами он на глазах у всех вскипятит воду, налил её в калebas и стал подходить ко всем по очереди.

— Ну-ка, посмотри, что это? — говорил он, протягивая калebas.

Каждый дотрагивался до калebasа, отдёргивал руку и кричал:

— Кипяток!

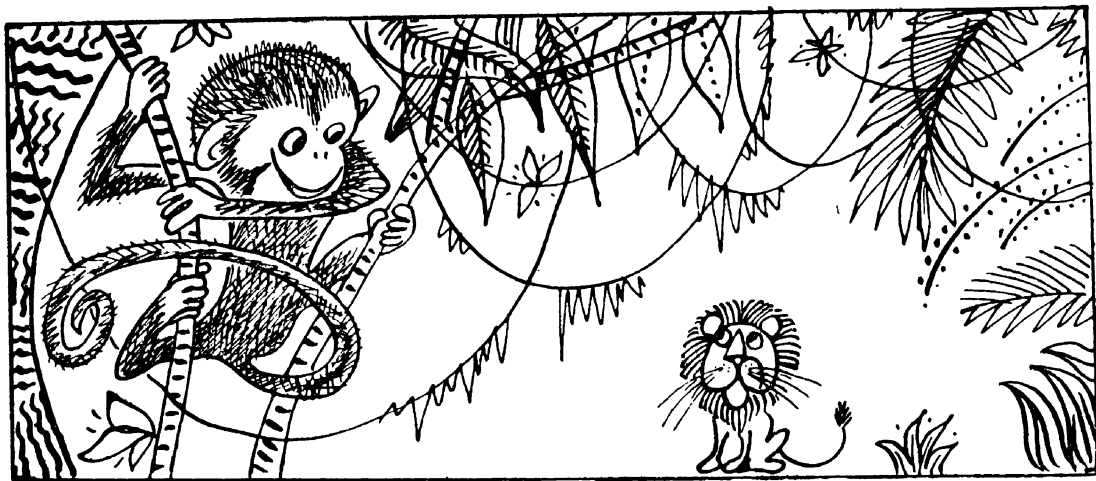
— Ты потрогай, потрогай! — настаивал Аджапа, если кто-нибудь, боясь обжечься, спешил согласиться, что в калebasе кипяток. — Я не хочу, чтобы вы считали меня обманщиком. Все должны убедиться, что я буду пить настоящий кипяток.

Когда Аджапа обошёл весь круг, вода успела остыть, потому что там собрались все звери, какие только живут в лесу. Подходя к последним, Аджапа уже не настаивал, чтобы они трогали калebas, а те рады были этого не делать: ведь они слышали, как другие вскрикивали, обжигаясь. Таким образом, никто не узнал, что вода остыла. Аджапа спокойно выпил её и был всеми признан лучшим и мудрейшим из жителей леса.

АЛИДЖУ И АЛИДЖУ

Однажды черепаха шла в гости и по дороге встретила своего приятеля зайца.

¹ Калebasы — тыквенные сосуды различной формы. Они широко применяются в быту народов Африки.

— Куда идёшь, Аджапа? — спросил заяц.

— Далеко иду, в гости к своему дяде.

— Возьми меня с собой!

Жаден был Аджапа. Не хотелось ему делить угощение на двоих, и он сказал:

— Что ж, пойдём. Только запомни: меня там называют Аліджу, а тебя будут звать Алиджу́.

— Это мне всё равно! — весело сказал заяц, и они пошли вместе.

Родственники черепахи встретили гостей приветливо, поместили их в одной комнате. Дочь хозяина приносила им еду и каждый раз говорила:

— Это для Аліджу.

— Ты слышал? — говорил Аджапа. — Это для меня. Тебе, наверное, принесут потом. А сейчас не мешай мне, я буду есть.

И Аджапа поедал всё один, а его приятель только смотрел издали и глотал слюнки.

Так продолжалось четыре дня. Аджапа завтракал, обедал и ужинал, а зайцу говорил:

— Тебе нельзя прикасаться к моей еде. Ведь она предназначена для меня, и если ты станешь есть то же самое, у тебя может разболеться живот.

На четвёртый день вечером, когда Аджапа втянул голову и ноги под панцырь и уснул, заяц решил потихоньку уйти домой, но у выхода со двора встретился с хозяином дома.

— Почему ты уходишь, гость мой? — удивился хозяин.

— Потому что я уже четыре дня ничего не ел, а я вовсе не желаю умирать с голоду.

— Как! — ещё больше удивился хозяин. — Разве моя дочь приносила вам мало еды?

— Так ведь она говорила, что это для Аліджу, а я Алиджу́.

«Эге! — смекнул хозяин. — Хитёр мой племянник! А этот простак заяц, как видно, не знает, что «алиджу» означает просто «гость». И он сказал:

— Вернись в комнату и будь спокоен. Теперь всё будет хорошо.

Наутро в комнату гостей принесли еду и сказали:

— Это для Алиджу́.

Аджапа очень удивился, но ничего не сказал. В это утро он остался голодным.

Днём принесли обед и опять сказали:

— Это для Алиджу́.

И снова черепаха ничего не ела, только смотрела, как заяц ест и усменяется. То же самое случилось и вечером. Заяц важно ел и говорил:

— Ты же слышал, что это для меня. Если ты станешь есть мою пищу, у тебя, пожалуй, заболит живот.

Когда на другой день снова принесли еду только для Алиджу́, Аджапа понял, что приятель поведal хозяину о его коварстве и теперь дядя наказывает его. И он сказал:

— Пожалуй, нам пора домой. Загостились мы. Давай-ка уйдём.

— Что ж, — ответил заяц, поедая сладкую кукурузную кашу, — можно

и уйти. Только подожди, пока я позавтракаю.

В этот день Аджапа покинул дом дяди.

А заяц стал учиться грамоте и узнал, что в каждом слове есть ударение, которое нельзя ставить там, где захочется. И если на языке йоруба «гость» — «али́джу», то он никак уж не может быть «алиджу́».

ПОЧЕМУ ОБЕЗЬЯНА ЖИВЁТ НА ДЕРЕВЬЯХ?

Однажды лев увидел маленькую обезьяну и подумал о том, что он ни разу в жизни не ел обезьяньего мяса.

— Что такое! Что такое! — поразился лев. — Я, царь зверей, я могу съесть кого захочу и я никогда не съел ни одной обезьяны!

И ему так захотелось поесть обезьяньего мяса, что он крикнул обезьяне:

— Эй! Иди-ка сюда. Сейчас я буду тебя есть.

— Что ты! Что ты, царь! — испугалась обезьяна. — Разве я овца или корова, чтобы тебе меня есть? Нет, нет, это невозможно!

— Что такое! Что такое! — возмутился лев. — Какие глупости она говорит! Я царь и могу делать, что хочу, и вдруг какая-то обезьяна не дает мне себя съесть!

Лев так разволновался, что ни о чём больше не хотел думать, кроме как об обезьяне. Решил он посоветоваться с черепахой: ведь всем известно, что черепаха мудрее всех людей.

— Аджапа, — обратился он к черепахе. — Не понимаю, что это за порядки? Я никогда ещё не ел обезьяны, хотел попробовать её мяса, а она говорит мне какие-то глупые слова про овцу и корову. Как бы мне её поймать?

— Эх-хе! Это совсем просто! — сказала черепаха. — Ты только делай всё так, как я тебе скажу. Притворись мёртвым. Положи под себядохлую рыбу, чтобы от тебя скверно пахло. Звери придут попрощаться с царём, и ты легко поймаешь обезьяну.

Послушался лев. Нашёл на берегу реки мёртвую рыбу, разлёгся на поляне, под деревом, положив рыбу под себя, закрыл глаза. А черепаха взяла там-там¹, пошла по лесу и стала барабанить:

— Друзья! Наш царь скончался! Приходите воздать ему последнюю почесть!

Сбежались звери на поляну, ахают, удивляются: только недавно видели льва живым! Обезьяна же сразу заподозрила хитрость: ведь ещё сегодня утром лев собирался съесть её на завтрак.

Стали звери оплакивать царя и по очереди перешагивать через него — таков был обычай.

Когда дошла очередь до обезьяны, черепаха подала условный знак, и лев вскочил, чтобы поймать обезьяну. Но он только лязгнул зубами в воздухе, потому что обезьяна, всё время ожидавшая подвоха, в тот же миг вспрыгнула на дерево, под которым лежал лев.

Все звери замерли в изумлении, а лев в бешенстве бросался на дерево, но не мог достать обезьяны, которая взобралась на самый верх и кричала:

— Что случилось, царь? Ты же, кажется, умер! Вот так штука! Так как же всё-таки: живой ты или мёртвый?

С тех пор обезьяна живёт на деревьях и редко спускается на землю, помня, что лев задался целью её съесть.

¹ Там-там — африканский барабан.

ЧИКИ, ТОПА, ЧУЧА И ДРУГИЕ

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

— **П**РИВЕТ, как дела? — крикнул кто-то громко и довольно развязно. С недоумением оглядываю комнату.

Никого нет. Ага, вот он! На шкафу сидит попугай Каро. Я уже знаю, что он недавно прибыл из Африки и уже овладел словарём из 30 русских слов. Его друг с зелёными перьями Неша пока знает одно слово: «Марина» — имя хозяйки пернатого семейства. Её любимец попугай Чуча, зажав в лапе ложку, ест суп.

Говорящие попугаи не отличаются скрытностью. Когда их хозяйка возвращается домой, они на всю квартиру хором кричат: «Ур-р-ра!».

В полутёмной ленинградской квартире воспроизведен климат тропической страны: особые лампы заменяют яркий солнечный свет. В клетках, аквариумах, акватерариумах, заслонивших стены до потолка, разместились около ста посланцев экзотической фауны: причудливые рыбы, мексиканские черепахи с изогнутыми панцирями, размером чуть больше пуговицы с мужского пальто. Подобных черепах, пожалуй, нигде больше в Ленинграде не увидишь.

Не отвести взгляда от «летающей» живописи маленьких птиц в белых, голубых, жёлтых, синих и зелёных нарядах.

Говорящие попугаи с острым, цепким клювом и когтистыми лапами, не знали бы тревоги в этой комнате, если бы не существо, уединившееся в остеклённом домике. В нём поселилась взрослая обезьяна Чики, весом в... 300 граммов.

Уморительно наблюдать за поведением этой редкой миниатюры природы. Чики принадлежит к приматам, объединяющим шимпанзе, гиббонов и других человекообразных, то есть высших обезьян. В этом легко убедиться, взглянув на её осмысленную мордочку, величиной с... грецкий орех. На ней появляются то радость, то тревога, то удовольствие и ещё многие чувства.

Спит Чики в уютной спальне, на кровати, застеленной простынёй и одеялом. Бессонницей не страдает. Ночь продолжается у неё 12 часов. Проснувшись утром, первым делом принимается ухаживать за своим, свисающим на четверть метра, полосатым хвостом. Причём, делает это точно так, как модница начёсывает волосы для пышной причёски. В еде Чики разборчива, предпочитает сгущённое молоко, фруктовые соки, виноград, смеси детского питания и всё сладкое. Но самое большое лакомство — сверчки с шевелящимися усами. Проглотит Чики полдюжины насекомых — и сыта. Специально для неё здесь разводят южноамериканских сверчков.

Но эта миниатюрная обезьянка таит коварный нрав. Однажды Чики ворвалась к птицам в клетку и мгновенно съела всю кладку яиц — будущее потомство. Говорящие попугаи запомнили её проделку и потому всегда готовы к обороне.

Сама Чики не боится никого, за исключением лохматого фокстерьера Топы. Обезьянка часто выходит из своего особняка прогуляться по верхам шкафов и книжных полок, а возвращаться на своё место не желает. Лишь появление Топы сражает её упрямство.

Говорящие попугаи тоже не любят фокстерьера. Они научились лаять по-собачьи и теперь выясняют с Топой отношения на «общем языке». Невзлюбили Топу из ревности к хозяйке дома.

Марина Никселевна Мейер — кандидат биологических наук, изучает грызунов-полёвок. Для научных наблюдений за полёвками разных широт она ездила на Сахалин и Курильские острова, забиралась на вершины Памира и Тянь-Шаня, бывала в Туве и на берегах Ледовитого океана. Топя — бессменный спутник во всех её экспедициях. Собака не только друг, но и помощник исследовательницы: она ловит необходимых для опытов полёвок.

Многое в этом доме напоминает об увлечениях его хозяйки: три тысячи почтовых марок с изображением животных; коллекция нагрудных значков с обитателями зоопарков и заводчиков. А для того чтобы запечатлеть все детали поведения своих подопечных, Марина Николаевна освоила мастерство фотографии и создала анималистическую галерею из сотен портретов. Её отличными фотоснимками иллюстрирована известная детская книжка «Львёнок Цезарь» и ряд других.

Любовь к животным открыла перед ней удивительный мир.

А. КИРИЧЕНКО

ЗАЧИНАТЕЛЮ И СОВЕРШИТЕЛЮ...

Сто шестьдесят лет назад, в самый разгар лета, полчища французского императора Наполеона Бонапарта вторглись в Россию. К тому времени у ног его лежала почти вся Европа, был захвачен Египет. Наполеон, мнивший себя «завоевателем мира», решил, что настала очередь поставить на колени Россию.

Но этой мечте грозного Бонапарта не довелось осуществиться. В конце 1812 года Наполеон был разгромлен и изгнан из пределов нашей Родины.

Прошла четверть века. Петербург отмечал победу над Бонапартом. Артиллерия Петропавловской крепости произвела громовой пушечный салют. На небольшой площади против Казанского собора, на Невском проспекте, торжественно открывали два бронзовых памятника замечательным русским полководцам: Михаилу Илларионовичу Кутузову и Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли. Эти полководцы возглавляли русскую армию в битвах с Наполеоном. Это под их водительством русские солдаты и офицеры умножили славу отечественного оружия.

Примечательна история памятников героям-полководцам. Ей и посвящен наш рассказ.

Бронзовых монументов ещё не было и в помине, не был даже известен скульптор, который должен был их создать, а место для памятников было уже выбрано — у Казанского собора!

Сооружен этот собор был за год до того, как французы, перейдя Неман, вторглись на нашу землю. Строился собор ровно десять лет. Перед началом строительства был объявлен конкурс, в котором участвовали лучшие зодчие Санкт-Петербурга. Выставил свой проект и мало известный тогда архитектор Андрей Воронихин. Тяжело было состязаться молодому с именитыми мастерами архитектуры, но победил всё же Воронихин — крепостной архитектор.

Одним из главных украшений нового собора стала знаменитая полукруглая колоннада, выходящая на Невский — целый лес из 94 огромных колонн! Вырубала их

артель каменотёсов известного «колонных дел мастера» Самсона Суханова. Над украшением собора работали лучшие живописцы и ваятели того времени.

А вскоре Казанскому собору суждено было превратиться в величественный памятник Отечественной войны 1812 года. С полей сражений фельдмаршал Кутузов отсылал на берега Невы боевые знамёна, захваченные в занятых городах и крепостях. Стали думать: куда поместить эти дорогие боевые трофеи? И пришли к выводу, что лучшего места, чем Казанский собор не найти. Так, неожиданно, собор превратился в своеобразный музей военной славы российской. За два года войны в Казанский собор было доставлено 107 знамён и штандартов, 93 ключа от городов и крепостей, занятых русской армией. Размещены были здесь и другие ценные боевые трофеи.

Если же вы сегодня войдёте в собор, то с правой стороны увидите небольшую тёмную ограду, отлитую из бронзы. Это могила великого Кутузова. Знаменитый фельдмаршал умер в походе, после тяжёлой болезни, 16 апреля 1813 года в небольшом немецком городке Бунцлау. Вся армия горевала, тяжело переживала смерть полководца. Прах его, конечно, должна была принять только русская земля. Тело полководца было набальзамировано, помещено в цинковый гроб. Его установили на колесницу, впрягли шестерку лошадей, и колесница тронулась в далекий скорбный путь. Целых полтора месяца везли прах национального героя до столицы России.

В Санкт-Петербурге гроб Кутузова народ встречал далеко на подступах к городу. Вот что рассказывает современник, очевидец этого волнующего события:

«Нужно было видеть, сколько стеклось народа из города и окрестностей, нужно было видеть, как этот добрый народ не позволил, несмотря на настояния, просьбы и даже приказания властей, чтобы дорогие останки тащили лошади. В двух верстах от города лошадей распрягли и было много добрых и благочестивых граждан, которые пожелали нести останки к месту их грустного назначения на своих плечах и руках».

Люди впряглись вместо лошадей и медленно довели колесницу до Казанского собора. Здесь, внутри, и состоялись похороны фельдмаршала. Над могилой в стену вделана памятная доска из красного мрамора. Место это стало особо почитаемым. Великий поэт Александр Сергеевич Пушкин не раз стоял перед могилой Кутузова. Ему он посвятил свои вдохновенные строки:

*В твоём гробу восторг живёт!
Он русский глас нам издаёт,
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.*

...Места для установки монументов определены. Но кто же создаст сами бронзовые памятники? Какому ваятелю доверят ответственную работу? Поручить её можно было только по-настоящему опытному, талантливому мастеру. Был такой ваятель в Невской столице — Иван Мартос. Но этот художник трудился над созданием памятника Минину и Пожарскому, под предводительством которых народное ополчение освободило Москву от интервентов в 1612 году. А задача была безотлагательная, монументы не создаются в один день, для этого требуется не один год.

Вспомнили о двух скульпторах, находившихся в ту пору далеко от нашего города, в Риме. Это были пенсионеры Академии художеств Борис Орловский и Самуил Гальберг. Только слово «пенсионеры» надо понимать не в современном смысле. Пенсионерами Академии художеств были скульпторы и живописцы, отлично завершившие

курс обучения и награжденные медалями. Кроме медали им предоставлялась командировка за границу, чаще всего в Италию, где они ещё больше оттачивали свое художественное мастерство. Чтобы жить на чужбине, им выделялись соответствующие средства — пенсия.

Зимой 1828/29 года Орловской и Гальберг получили письмо из Академии с приказанием немедленно выехать в Россию. Прибыв в Петербург, ваятели сразу же явились к президенту Академии, и он им предложил приступить к составлению проектов и моделей монументов.

Наступил срок, и оба мастера представили свои модели. Большая комиссия из профессоров Академии внимательно разбирала достоинства и недостатки небольших изваяний, и наконец было названо имя победителя конкурса: Борис Орловский.

Об этом необыкновенно талантливом человеке, о его судьбе следует рассказать особо. Он родился в семье крепостного крестьянина Орловской губернии. И фамилия у него была другая — Смирнов. Но прозван был Орловским по месту рождения. Борис был ещё мальчиком, когда помещица продала всю семью Смирновых другому крепостнику, в Тульскую губернию. Новый хозяин подметил в мальчике страсть к рисованию, лепке из глины и вырезыванию из дерева всяких фигурок. Помещик смекнул, что из парнишки может выйти толк, надобно послать его учиться в Москву, а там видно будет... Если получится из Бориски толковый мастер по каменному делу, можно будет его дорого перепродать кому-либо.

Когда Борису исполнилось семнадцать лет, отвезли его в Москву и отдали в обучение итальянцу мраморщику Кампиони. Вначале работа нравилась юноше, впервые попавшему в такой большой город. Синьор Кампиони с первого взгляда уловил — новый ученик обладает большими способностями. И хоть покрикивал на крепостного паренька, но учил хорошо. Борис научился высекать из мрамора надгробия для могил богатых людей, искусно делал мраморные плиты для облицовки каминов, и вскоре стал заправским мраморщиком. Превзошел в мастерстве даже самого синьора Кампиони.

Через два года разразилась Отечественная война 1812 года. В точности неизвестно, остался ли Борис в Москве, когда туда вошли французы, или вместе с другими москвичами покинул её, но героическое время это, когда народ поднялся против Наполеона, оставило глубокий след в его душе. Известно, что после изгнания французов из древней русской столицы, он продолжал работать у Кампиони и жил в Москве до 24 лет, всё ещё оставаясь крепостным.

Горькие думы терзали молодого мраморщика. На первый взгляд всё выглядело как будто благополучно: овладел он хорошей специальностью. Но высекать надгробия, облицовочные плиты — ведь это только ремесло, а он мечтал стать художником. И вот Орловский попросил у хозяина разрешения переехать в Петербург. Для мраморщика, мол, и там найдётся работа! Но в сердце таил он другую мечту: быть может, в этом городе, где находится Академия художеств, где живут и работают знаменитые скульпторы, ему удастся выучиться искусству ваяния.

На берегах Невы тогда шло большое строительство: перестраивалось здание Адмиралтейства. Проектировались и строились Михайловский дворец, где ныне находится Государственный Русский музей. Главный штаб, который гигантским полукругом охватывает Дворцовую площадь... Труд мраморщиков пользовался большим спросом. Недолго пришлось Борису искать работу. Вскоре его принял к себе в мастерскую другой итальянец — Трискорни. Но в отличие от московского мастера Трискорни был не только мраморщиком, но и скульптором. Эта работа ещё больше пришлась по душе Борису Орловскому. Статуи, которые выходили из-под его резца, отличались от работ других товарищей по профессии. В них уже был виден не ремесленник, а пробуждающийся художник.

Вскоре в Петербурге уже многие знали о талантливом ученике итальянца Трискорни. К его статуям приглядывались известные мастера, в том числе и знаменитый Иван Мартос.

Он-то и сыграл большую роль в дальнейшей судьбе крепостного мраморщика. В 1821 году скульптор вылепил большую фигуру царя Александра I для здания Фондовой биржи, которая, точно древнегреческий белоколонный храм, высится на берегу Невы, на Стрелке Васильевского острова. Эту гигантскую статую надо было перевести в мрамор. И Мартос смело доверил эту работу Борису Орловскому. Доверил — и не просчитался. Орловский настолько хорошо выполнил работу, что Мартосу оставалось лишь чуть-чуть кое-где подправить её.

Мартос уже многое знал о нелёгкой жизни Орловского, о его мечте стать ваятелем. Знаменитый мастер решил как-нибудь помочь ему поступить учиться. Но как это сделать? Во-первых, Орловскому пошёл тридцатый год, по возрасту он уже не подходил для поступления в Академию художеств. Во-вторых, и это самое главное, Борис всё ещё был крепостным, а крепостных принимать в Академию было строжайше запрещено. Как ни бился Мартос, как ни старался помочь Орловскому — ничего не выходило.

- Тем временем мраморщик Орловский самостоятельно вылепил статую царя. Когда Мартос увидел эту работу, то был восхищён ею. Эту статую перевезли в мастерскую Мартоса, и сюда начали приходить знатоки искусства, чтобы посмотреть на творение скульптора-самоучки. Был приглашён сюда и президент Академии художеств А. Н. Оленин. Президент также пришёл в восторг от статуи.

Вскоре после этого Орловский был выкуплен из крепостной неволи и принят в Академию. Хотя принять-то приняли, а пенсионера не дали. И, утась, Борис Орловский продолжал работать мраморщиком у Трискорни, чтобы заработать себе на жизнь.

Полгода не проучился Орловский в Академии, как решили его отправить в качестве пенсионера в Италию, в Рим, на обучение к знаменитому ваятелю Торвальдсену. Статуи этого великого мастера резца украшают многие крупнейшие музеи мира. Находятся они и в нашем Эрмитаже.

Торвальдсен чутьем художника почувствовал, что этот русский, прибывший к нему на усовершенствование, — сущий клад для искусства. И Торвальдсен стал не только учителем, но и близким другом недавнего крепостного.

Шесть лет учился и работал у римского скульптора Орловский. Он создал несколько статуй, которые получили самую высокую оценку учителя, и в письмах к президенту Академии художеств Торвальдсен поздравлял Россию с появлением у русских такого выдающегося ваятеля, каким стал Борис Иванович Орловский.

И вот, после шестилетнего пребывания в Италии — вызов на родину, где ему поручили изваять монументы великих полководцев.

В Петербурге скульптору предоставили просторную мастерскую. Но прежде чем приступить к созданию скульптур, Орловскому предстояло разрешить целый ряд важных вопросов. Какой величины должны быть бронзовые статуи? В каком именно месте полукруглой площади перед собором должны они быть установлены? Он внимательно изучает площадь, определяет высоту памятников, наконец изготавливает макеты и ночью привозит их из мастерской к Казанскому собору.

Вначале намечалось установить монументы почти у самого тротуара на Невском проспекте. Поставили макеты и убедились, что эти точки непригодны. Люди, идущие по проспекту, будут двигаться слишком близко к памятникам, а с близкого расстояния фигуры полководцев, как говорят художники, будут «плохо смотреться». Решили перенести их подальше от тротуара.

Если вы взглянете в колоннаду собора, то по бокам этой гигантской подковы увидите справа и слева два проезда. Орловский, передвигая макеты, в конце концов нашёл для будущих монументов самое удачное место: статуи должны висеться против проездов. Проезды построены в виде прямоугольных арок, и получилось так, что каждый из монументов стоит как бы на фоне огромной каменной рамы.

Определились и размеры каменных полированных пьедесталов. Изготовить их из цельных глыб красного гранита поручили всё тому же прославленному каменотёсу Самсону Суханову.

Решив все предварительные вопросы, Орловский приступил к лепке статуи. Монументы полководцев должны были отличаться не только портретным сходством. Настоящий художник должен уметь создать статую, глядя на которую, люди почувствовали бы характер изображённого человека и даже представить себе то дело, которым установленный на постаменте герой заслужил такую великую честь.

Незадолго до своей гибели, в 1836 году, в мастерскую Орловского в Академии художеств зашёл Александр Сергеевич Пушкин. Здесь он увидел гипсовые статуи Кутузова и Барклая. Долго смотрел на них поэт, удивлялся портретному сходству (ведь Орловский создавал монументы, когда полководцев давно уже не было в живых, и пользовался для этого оставшимися рисунками, акварелями и портретами), но более всего восторгался тем, как глубоко Орловский выразил сущность каждого из военачальников, ту роль, которую каждый из них сыграл в Отечественной войне.

Возвратившись из мастерской, поэт, вдохновленный увиденным, написал стихотворение «Художнику».

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даёшь, мрамор послушен тебе...

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.

Очень точно подметил Пушкин характерные черты, выраженные в обоих изваяниях: «зачинатель Барклай», «совершитель Кутузов». Как понимать эти слова? Барклай де Толли был главнокомандующим русской армии в самом начале войны с вторгшимися в нашу страну французскими полчищами. Русские войска тогда отступали, затягивая врага в глубь нашей территории. Отступали, чтобы сохранить армию для будущего решительного сражения. Это был, как сказано, первый период войны, и Барклай поэтому назван «зачинателем». А вот позднее, когда главнокомандующим стал Кутузов и был разгромлен Наполеон, совершилось то, во что верил русский народ.

Подойдём к статуям и посмотрим сами. Вот стоит Барклай де Толли. Нелегко ему было отдавать приказ за приказом: отступать! Поэтому на лице его выражение грусти, он задумался над тем, как быть дальше, когда же будет конец отступлению. У ног его полуразрушенное французское знамя с орлом, венчающим древко. Ваятель вылепил орла с приподнятыми крыльями, голова его хищно устремлена кверху, он ещё очень силен, этот царь птиц, он ещё может взлететь.

Теперь подойдём к статуе Кутузова. Он не задумчив, как Барклай. Фельдмаршал полон решимости, энергии... Он не только глубоко верит, но твёрдо знает, что Наполеон будет разбит. И, протянув фельдмаршальский жезл, он как бы зовёт: «Вперёд, вперёд, на разгром врага!» В другой руке у него шпaga, которая упирается во французское знамя, лежащее, так же как у Барклая, у ног полководца. Но какая разница в изображении обоих знамён и французских боевых орлов! У Барклая оно полуразвёрнуто, а у ног Кутузова знамя свёрнуто, и воинственный орёл здесь опрокинут навзничь... Нет, нет, этому орлу уже никак не подняться — это символ полной победы над Бонапартом.

Орловский создал свои статуи в гипсе. Их предстояло перевести в бронзу. О том, кому поручить отливку монументов, двух мнений не было. Конечно, знаменитому литейщику той поры Василию Екимову.

Необыкновенна судьба и этого удивительного мастера. После взятия Измаила русскими войсками солдаты Семёновского гвардейского полка выбрали беспризорного мальчишку, ни слова не говорившего по-русски. Семёновцы приютили паренька и называли его Васей. Так он стал «сыном» одного из славных русских полков. Особую заботу о Васе проявлял гвардеец Василий Екимов — был ему за отца родного. Вот почему будущего литейщика и стали называть Василием Екимовым.

Полк вернулся в Петербург на свои постоянные квартиры. Стали думать, что делать с Васей. И придумали: отдали его в ремесленную школу при Академии художеств обучаться «медному и чеканному мастерству». Пытливый, необыкновенно быстро усваивавший приёмы литья и чеканки, Вася заметно выделялся среди других учеников. Вскоре он уже числился подмастерьем. Василий участвовал в отливке «Медного всадника», красующегося и поныне в нашем городе, на берегу Невы. Овладев всеми секретами художественного литья, Василий Екимов стал самостоятельным мастером, и каким!.. Это он отлил памятник Минину и Пожарскому, который высится на Красной площади в Москве. Это его работа — памятник Суворову, что стоит против Кировского моста.

Теперь ему предстояла отливка двух монументов знаменитым полководцам. На каждую статую было отпущено по 450 пудов меди. Когда Екимов отливал статую Барклая, случилась авария. Одна из трубок, по которой текла в форму расплавленная медь, лопнула. Вытекло наружу свыше ста пудов жидкого металла, почти четвертая часть. Но опытный мастер не растерялся. После осмотра работы Екимов был уверен, что «доделает» монумент. Но когда? Вот в чём вопрос. Уходило дорогое время, волновались Орловский и президент Академии Оленин. А Екимов оставался удивительно спокойным. Через две недели он приступил к «доливке» статуи Барклая. Сделал он это превосходно и удостоился вышей похвалы Бориса Ивановича Орловского.

Статуи отливались в литейной мастерской Академии художеств. Отсюда, с Васильевского острова, их надо было доставить к Казанскому собору. Заключение договор с подрядчиком Яковлевым. Вначале для перевозки решили было использовать лошадей. Но потом Яковлев отказался от лошадей. По той причине, что лошади дёргают, нервно тянут, могли произойти повреждения, задержки в перевозке. И тогда подрядчик нанял сто шестьдесят пять человек, которые впряглись в платформы и перевезли монументы к собору «в полной исправности». Здесь бронзовые статуи были с большими предосторожностями установлены и закреплены.

Открыты памятники 25 декабря 1837 года (5 января 1838 года по новому стилю), в день 25-й годовщины со дня изгнания Наполеона из России. «Северная столица России украсилась двумя новыми памятниками чести народа и благодарности Отечества героям Кутузову и Барклаю де Толли», — сообщал один из журналов. Парадным маршем мимо монументов, отдавая им воинские почести, прошли полки столичного гарнизона. Среди множества присутствовавших на торжестве очень было заметно отсутствие троих: Пушкина, Орловского и Екимова. Всех их не стало в 1837 году: Пушкина убили на дуэли, умер старый литейных дел мастер Екимов. И всего лишь за девять дней до открытия памятников полководцам скончался сорока четырёх лет от роду их замечательный создатель, выдающийся русский скульптор Борис Иванович Орловский.

Жили-были Баркас с Лодкой, и был у них сынок: Маленький Моторный Катер.

Пусть его в тазик с водой, он и тарахтит весь день, тычется носом в края. Мать с отцом на него налюбоваться не могут: Маленький, а уже как настоящий!

Когда сынок подрос, разрешили ему плавать по дождевым лужам.

Лужи громадные, до самого горизонта. Вода тёплая. Несётся Катер, тарахтит. Мелькают мимо лопухи, ромашки...

— Мама! — ревел он, вращая винтом.

Кто-нибудь брал его и снова ласково пускал в лужу. Потом настал день, когда ему разрешили поплавать у берега по озеру. Время шло, Катер всё рос и незаметно стал Речным Теплоходом.

Теплоход сверкал белизной. Чёрным, просмолённым родителям неудобно было даже стоять рядом с ним.

Теплоход перевозил людей на другой берег озера или катал по реке до самого моря ребят. Он был доволен своей жизнью, и его все любили.

Но он всё рос, и ему стало тесно в озере. Он часто садился на мель и царапал днище. Пришлось ему уйти в море.

Теперь его называли Океанским Лайнером. И сам он уже не боялся ни громадных волн, ни бурь, легко пересекал океан от материка к матерiku, и от него теперь зависели тысячи жизней. Он был нужен, и это приносило ему радость.

Но в порту, в часы короткого отдыха, ему снился всегда один и тот же сон.

Он видел себя Маленьким Катером, не больше детской ладони, который несётся по тёплым дождевым лужам, разбрызгивая радужные брызги. Разбегаются в стороны лягушата, мимо проносится трава. Он жмурится от удовольствия и выскакивает на берег.

Тут он всегда просыпался от своего басовитого голоса.

Люди на палубах машут платками тем, кто остался на берегу. Пора в путь. И Океанский Лайнер отчаливает от пристани.

Двигаясь среди голубых волн, Корабль ищет среди них своих стареньких родителей, которые пришли его провожать. Они машут ему заштопанными парусами, а он громко и ласково гудит:

— До скорого-о-о!

И уходит в синюю дымку, оставляя отца и мать с их маленьким обшарпанным тазиком, в котором, им кажется, тарахтит Маленький Катер и пищит:

— Ой, мама, я боюсь!

МУЗЫКА В... ЦЕХАХ

Учёные нашего города помогают работникам индустрии ставить на службу производству все новые резервы роста продуктивности труда, создавая в цехах наилучшие условия для рабочих.

На некоторых заводах, по предложению учёных, уже внедрены программы функциональной музыки, под звуки которой лучше спорится работа, снимается напряжение трудового дня.

ВОРОНА ПОМОГЛА...

В парке ялтинского санатория «Днепр» живёт семейство павлинов. Они облюбовали высокий ясень у третьего корпуса. Когда птицы завтракали, к ним подлетела голодная ворона. Старый павлин не прогнал незваную гостью. Навевшись, ворона взлетела на ясень и продремала до вечера. Затем хозяева поделились с ней ужином, не прогнав и утром. Так ворона вошла в семейство павлинов.

Однажды старый павлин сломал ногу, кое-как он взобрался на ясень, а на землю спуститься уже не мог. Ворона почуяла беду. Она набрала в клюв хлебных крошек и стала кормить павлина, как своего птенца. Две недели носила она пищу на дерево. Павлин выздоровел. Так отблагодарила ворона гостеприимных хозяев.

ПОЧЕМУ КОНЬ-КОЛОДЕЗЬ?

Любопытна история происхождения названия села Конь-Колодезь, что на несколько километров протянулось вдоль автомагистрали Москва — Воронеж. Там же стоит оригинальный четырёхметровый постамент в виде старинного колодезного сруба, а над ним — вздыбившаяся лошадь с согнутой передней ногой.

Пётр I направлялся к месту строительства флота для азовского похода и наехал в этом месте на мало заметный колодезь.

Одна из лошадей его тройки, зацепившись за сруб, сломала ногу. И повелел тогда царь, селение это назвать Конь-Колодезь, колодец засыпать, а на месте его поставить памятник своему любимому коню.

КОЛЛЕКЦИЯ... ПРЯНИКОВ!

Московский архитектор Н. Д. Виноградов ещё в предреволюционные годы начал собирать... русские пряники. Сейчас в его коллекции свыше двух тысяч фигурных пряников, выпекавшихся в Туле, Вязьме, Костроме, Ярославле и других местах.

Н. Д. Виноградов подарил свою уникальную коллекцию Государственному музею этнографии народов СССР.

★
...в кишлаке Дашманды, на юго-востоке Таджикистана, есть чинара-великан, в дупле которой работает маслобойка? Работники Восейского лесхоза перерабатывают здесь на масло грецкий орех и коноплю. Высота этого исполина — 50 метров, окружность ствола — около 20 метров. По мнению специалистов, дереву более семисот лет. Уникальное дерево охраняется Восейским лесхозом.

★
...в Баку, в самом центре города, чаще всего возле кинотеатра «Багар», стал появляться... белый воробей? Столь удивительное явление в природе, оказывается, не редкость. Специалисты рассказывают, что в организме воробья-альбиноса не оказалось необходимого пигмента, и оперение осталось белым, обесцвеченным. Такое явление бывает и у других птиц.

★
...21 миллион американцев, или десятая часть населения Соединенных Штатов, не умеют ни читать, ни писать? Эту неприглядную для крупнейшей капиталистической страны мира цифру привёл, выступая в конгрессе, сенатор-республиканец от штата Делавэр Дж. Боггс.

★
...синий, или донный кит, — крупнейшее из всех животных, когда-либо населявших нашу планету? Взрослый синий кит достигает в длину 30 метров и весит 136 тонн — столько же, сколько 3 крупнейших динозавра, 30 индийских слонов, 200 коров или 1600 человек. Это самые большие экземпляры. Но даже средний синий кит достигает в длину 24 метра и весит около 100 тонн. Детёныш синего кита имеет длину 7 метров и весит около 225 килограммов.

★
...в Геологическом музее новосибирского Академгородка есть картина «Весна» молодого живописца В. М. Латкина? Создавая портрет девушки, художник вместо красок использовал сокровища сибирских недр. Портрет представляет собой мозаику из тысячи различных штрихов-камешков размером от 0,5 до 6 квадратных сантиметров. Уникальная картина является выразительным символом богатств земли Сибирской.

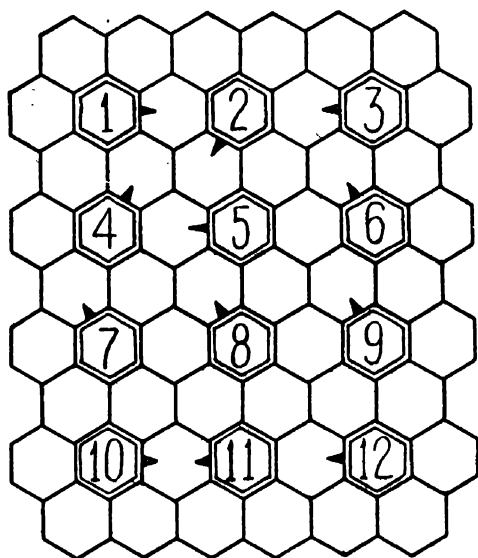
★
...жизнь в море буквально кипит на всех широтах и на любой глубине? В одном кубическом сантиметре воды у поверхности моря находятся миллионы существ самых разнообразных форм и типов. Вся эта масса микроскопических разновидностей животного и растительного мира является излюбленной пищей рыб и китов.

★
...каждая четвёртая выходящая в мире книга — советская? Каждую минуту в нашей стране печатается почти 2400 книг, или три с половиной миллиона экземпляров в день. В Советском Союзе на 100 человек населения приходится свыше 500 выходящих книг и брошюр, более 50 газет и почти 60 периодических изданий.

★
...между долинами Иртыша и Оби, почти в центре Барабинской степи, открыто «кладбище мамонтов»? Обнаружены останки 1500 животных. Геологи считают, что мамонты погибли от гололёдов, снежных бурь с резкими похолоданиями. Недавние раскопки помогли установить, что многие животные были убиты древними охотниками.

★
...дома строят и из... ваты? Четырёхэтажные 48-квартирные дома из такого, казалось бы, ненадёжного стройматериала строители возводят в Якутии, на берегу Ледовитого океана. Вата, пропитанная особым составом, служит наполнителем полужёстких минераловатных плит. От огня и влаги тепловую «подкладку» укрывает герметичная асбестоцементная упаковка. Толщина стены — 16 сантиметров. Равная по теплопроводности кирпичная кладка была бы в пять раз массивнее.

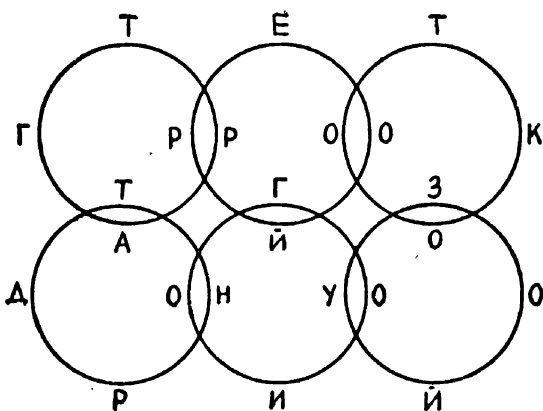
Слова в таких кроссвордах следует записывать вокруг цифр, по часовой стрелке, вписывая первую букву слова в клетку, обозначенную штрихом.

1. Лодка североамериканских индейцев. 2. Лицо, которому вверена опека. 3. Часть внутреннего уха большинства позвоночных животных и человека. 4. Вещество, имеющее одинаковый элементарный состав с каким-либо другим веществом, но отличающееся по

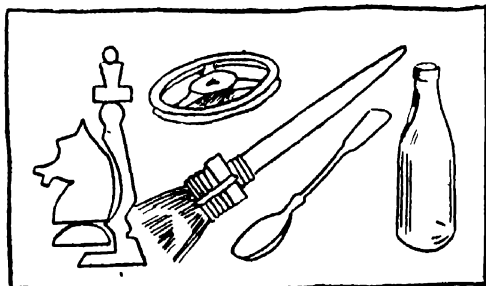
физическим и химическим свойствам вследствие иного расположения атомов в молекуле. 5. Ручное складное устройство, служащее для защиты от дождя и солнца. 6. Многолетнее травянистое растение семейства лютиковых. 7. Электрический разряд между облаками или между облаками и землей. 8. Колющее оружие с обоюдоострым коротким клинком. 9. Врач, прикомандированный сверх установленного штата к медицинскому учреждению для повышения квалификации. 10. Шнур, пропитанный легковоспламеняющимся веществом и служащий в пиротехнике для быстрой передачи огня. 11. Старинная русская единица измерения длины. 12. Столица Армянской ССР.

КОЛЬЦА

На рисунке вы видите шесть колец с буквами. Если несколько колец повернуть вместе с прикрепленными к ним буквами, то по горизонталям можно будет прочесть поговорку. Для облегчения решения рекомендуем воспользоваться кружками из кальки.

ОДИН ЛИШНИЙ

Казалось бы, что общего между ложкой и кассетой? И всё же рисунки здесь подобраны с каким-то смыслом. Существует признак, общий для всех изображений. Для всех, кроме одного.

Какой рисунок здесь лишний, не обладающий этим признаком?

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 12)

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

1. Минск. 2. Тбилиси. 3. Алма-Ата. 4. Вильнюс. 5. Ашхабад. 6. Ереван. 7. Рига. 8. Фрунзе. 9. Москва. 10. Севастополь. 11. Киев. 12. Одесса. 13. Таллин. 14. Ленинград. 15. Волгоград. 16. Краснодар.

НУЖНО ПОСЧИТАТЬ

На рисунке сорок четыре различных треугольника.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Если слова поставить одно за другим в таком порядке: обувь, уголье, закал, мина, парус, туф, эхо, яйцо, чаша, ши, — то согласные буквы их представят все согласные азбуки, выписанные в алфавитном порядке.

Содержание

И день не солнечный... Стихотворение Владимира Кудимова	1
Это было в блокаду. Рассказы Вольта Суслова	2
На дороге жизни. Рассказы Н. Ходзы	13
Оркестр. Стихотворение Николая Алтухова	19
Жаворонки прилетают сюда. Повесть Леонида Шестакова	20
Нерешительный щенок. Зонтик. Стихи Семёна Когана	37
Рассказы об октябрятах А. Крестинского	38
Австралия. Стихотворение Игоря Пояркова	42
Как я стал актёром, или драма в двух действиях. Рассказ А. Якубенко	43
Сказки народа йоруба. В записи Г. Анпетковой-Шаровой	48
Чики, Топа, Чуча и другие. Рисовка А. Кириченко	53
Зачинателю и совершителю... Очерк Эд. Аренина	54
Чудесная история. Сказка Ю. Степанова	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Воскресное утро».

На 2-й странице обложки фотоэтуд И. Потёмкина «В кабинете биологии».

На 3-й странице обложки — «Чики, Топа, Чуча и другие».

На 4-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Птичья столовая».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 2/XII 1972 г. Подписано к печати 12/I 1973 г. 4 п. л. М-37711. Заказ № 1014. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 500 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского. Лениздат. Ленинград, Фонтанка, 57.

